

Геном

Сергей Лукьяненко

Танцы на снегу

«АСТ»

1999-2001

Лукьяненко С. В.

Танцы на снегу / С. В. Лукьяненко — «АСТ»,
1999-2001 — (Геном)

Умный, эмоциональный и увлекательный роман отечественного фантаста номер один, действие которого происходит в варианте будущего, известного читателям по произведениям «Геном» и «Калеки». История отважного мальчишки с заштатной планеты, уставшего от грязи, нищеты и безнадежности родного мира – и дерзнувшего отправиться на поиски лучшей доли в космическое никуда...

© Лукьяненко С. В., 1999-2001

© АСТ, 1999-2001

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	53
Часть вторая	62
Глава 1	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пролог

В тот день мои родители воспользовались своим конституционным правом на смерть.

Я ничего не подозревал. Понимаю, что в это трудно поверить, но до самого конца у меня и мысли не было, что родители сдались. Отца уволили с работы больше года назад, его пособие кончилось, но мама продолжала работать на Третьих Государственных копиях. Я не знал, что Третьи Государственные давным-давно на грани банкротства и зарплата погашается рисом – который я ненавидел, и оплатой квартирных счетов – о которых я вообще никогда не вспоминал. Но так жили многие, и в школе трудно было найти ребят, у которых и мать, и отец имели работу.

Я пришел из школы. Бросил планшетку на кровать, а потом тихонько заглянул в гостиную, откуда звучала музыка.

Первое, что я подумал, – отец нашел наконец работу. Мама и папа сидели за столом, застеленным белой скатертью, посередине стола горели свечи в старинном хрустальном подсвечнике, который доставали только на дни рождения и Рождество. На тарелках были остатки еды – настоящей картошки, настоящего мяса, и я уж никогда не поверю, что папа не съел бы двух полных тарелок, перед тем как не доест третью. Стояла полупустая бутылка водки, причем настоящей, и почти пустая бутылка вина.

– Тикки! – сказал отец. – Быстренько за стол!

Меня зовут Тиккирей. Это очень звучное имя, но чертовски длинное и неудобное. Мама иногда зовет меня Тик, а отец – Тикки, хотя, по-моему, проще им было тринадцать лет назад выбрать другое имя. Хотя с другим именем – это уже был бы другой мальчишка.

Я сел, ничего не спрашивая. Отец очень не любит расспросов, ему нравится рассказывать новости самому, даже если надо всего лишь сообщить, что мне купили новую рубашку. Мама молча положила мне гору мяса с картошкой и поставила рядом с тарелкой бутылку моего любимого кетчупа. Так я и слопал всю тарелку, в полнейшее свое удовольствие, прежде чем папа развеял мое заблуждение.

Никакой работы он не нашел.

Для людей без нейрошунта сейчас вообще работы нет.

Надо ставить шунт, но у взрослых это очень опасная и дорогая операция. А маме не платят денег, и, значит, им нечем даже оплачивать жизнеобеспечение, а я ведь прекрасно понимаю, что на нашей планете можно жить только под куполами.

Так что нас должны были выселить из квартиры и отправить во внешнее поселение, где обычные люди могут прожить год или два – если очень повезет.

Поэтому они с мамой воспользовались своим конституционным правом...

Я сидел словно каменный. Ничего не мог сказать. Смотрел на родителей,ковырял вилкой остатки картошки, которые только что перемешал с кетчупом, превратив в бурю кашу. Ну люблю я все заливать кетчупом, хоть меня за это и ругают...

Сейчас меня никто не ругал.

Наверное, надо было сказать, что лучше мы все вместе отправимся в поселения и будем очень старательно проходить дезактивацию, возвращаясь с рудника, и проживем долго-долго, а потом заработаем денег достаточно, чтобы снова купить пай в куполе. Но у меня не получалось это произнести. Я вспоминал экскурсию на рудник, которая у нас однажды была. Вспоминал людей с серой кожей, покрытых язвами, которые сидели в древних бульдозерах и экскаваторах, вспоминал, как один экскаватор повернулся и поехал из карьера навстречу нашему школьному автобусу, помахивая ковшом. А из кабины улыбался «крокодилей пастью», которая у всех облученных появляется, экскаваторщик... Он, конечно, просто попугать хотел, но девчонки завизжали, и даже мальчишкам стало страшно.

И я ничего не сказал. Совсем ничего. Мама то начинала смеяться и целовала меня в макушку, то очень серьезно объясняла, что теперь мой пай на жизнеобеспечение продлен на семь лет, я успею вырасти, получить профессию, а нейрошунт у меня очень хороший, они тогда здорово зарабатывали и не поскупились, так что с работой проблем не будет. Главное, чтобы я не связался с дурной компанией, не стал жрать наркоту, был вежливым с учителями и соседями, вовремя стирал и чистил одежду, подавал прошения на муниципальные продуктовые карточки.

Она заплакала только тогда, когда папа сказал, будто почувал мои колебания, что переменить уже ничего нельзя. Они подали заявку на смерть, выпили специальный препарат, поэтому им и выдали «прощальные деньги». Так что даже если родители передумают, они все равно умрут. Только тогда мне не продлят пай на жизнеобеспечение.

Есть мне больше не хотелось. Совсем. Хотя было еще мороженое, и торт, и конфеты. А мама шепнула на ухо, что из «прощальных денег» они оплатили мне день рождения на семь лет вперед. Специальный человек из социальной службы будет выяснять, какой мне нужен подарок, и покупать его, и приносить его в день рождения, и готовить праздничный ужин. Наша планета и впрямь бедная и суровая, но социальные службы у нас развиты не хуже, чем на Земле или Авалоне.

Мороженое я все-таки съел. Мама смотрела так умоляюще и жалобно, что я хоть и давился, но глотал холодные сладкие комки, пахнущие клубникой и яблоками. Потом мы, как обычно, прочитали молитву и пошли спать.

В Дом Прощаний родителям надо было идти рано утром. Если они задержатся до полудня, то тоже умрут, но тогда им будет больно.

Я пролежал часов до трех ночи, глядя на часы. Робот-трансформер, в виде которого были сделаны часы, сурово сверкал глазами, помахивал руками, переступал на месте, а иногда начал водить по комнате тонкой спицей «лазерного меча». Мама всегда ворчала, что невозможно спать в комнате с «такой ерундой», но отключить робота не требовала. Она же помнила, как я радовался, когда в восемь лет мне подарили эти часы.

И только когда я понял, что думаю о родителях в прошлом времени, будто они уже мертвы, я вскочил, распахнул дверь и бросился к ним в спальню. Я не маленький. Я все понимаю. И что взрослые, даже если они родители, могут ночью делать, прекрасно знаю.

Только я больше не мог один.

Я бросился на кровать между мамой и папой. Уткнулся маме в плечо и заплакал.

Они ничего не стали говорить. Ни мама, ни папа. Просто обняли меня, стали гладить. Вот тогда я и понял – сразу, что они живые. Но только до утра. Я решил, что спать сегодня не буду, но все равно заснул.

Утром мама собрала меня в школу. И сказала, что я обязательно должен пойти на занятия. Провожать их не нужно. Долгие проводы – лишние слезы.

А папа заговорил, только когда они выходили из дверей:

– Тикки...

Он замолчал, потому что у него было слишком много слов и слишком мало времени. Я ждал.

– Тикки, ты поймешь, что это было правильно.

– Нет, папа, – сказал я.

Надо было сказать «да», но я не смог. Отец улыбнулся, но как-то очень тоскливо, взял маму за руку, и они вышли.

Конечно же, я их проводил. Издалека, чтобы они меня не видели. Мама очень часто оборачивалась, и я понял, что она меня чувствует. Но не стал показываться, я ведь обещал не провожать.

Когда они вошли в Дом Прощания, я постоял немного, пиная стену муниципалитета. Не в знак протеста, а потому что муниципалитет стоит напротив, через проспект Первопроходцев. Потом я повернулся и пошел в школу. Потому что обещал.

Часть первая

Неправильный рыцарь

Глава 1

Осень – это очень красиво.

Я лежал на гладкой каменной плите, которая как-то случайно не попала на стройки, а оказалась на берегу реки, и смотрел в небо. Над куполом бушевала буря. Солнце было маленьким и багровым, потому что песок шел стеной. Поселенцам сейчас очень тяжело. У них и уровень радиации поднялся, и песок проползает в любую щель, потому что он тонкий, как пыль. Дисперсный.

– Тики-Тики!

Я повернул голову, хоть и знал, кто это. Только Дайка называет меня Тики-Тики. С первого класса. Вначале это была дразнилка, а сейчас, по-моему, уже нет.

– Ты на что смотришь?

– На корабль, – соврал я. Корабль в небе и впрямь был. Наверное, рудовоз со второго порта. Он пер через бурю, пока еще на плазменниках, и за ним стлался оранжевый шлейф с протуберанцами вторичных разрядов. Ничего красивого. Буря сама по себе гораздо интереснее.

– Красивый корабль, – изрекла Дайка. И вытянулась рядом со мной, так что пришлось подвинуться. На ней был новый купальник, полный, как у взрослой. Фу-ты ну-ты. – Я бы хотела быть пилотом.

– Ага, – сказал я. – Замороженной ледышкой ты бы была.

Дайка какое-то время помолчала, а потом сказала:

– А какая разница? Ты тоже пилотом не станешь.

– Захочу – стану, – ответил я. Дайка мне мешала, она слишком настырно возилась рядом и никак не хотела понять, что мне сейчас никто не нужен. Совсем никто.

– Знаешь, сколько стоит выучиться на пилота?

– Много.

– Ты никогда столько не заработаешь.

– Повезет – заработаю, – не выдержал я. – А вот ты точно никак не сможешь стать пилотом. У тебя нет игрек-хромосомы. Тебя в гипере можно только как груз возить. Замороженную, со льдинками на глазах.

Дайка вскочила и молча ушла. Зря я с ней так, конечно. Она больше мальчишек о космосе мечтает. Вот только у нее и впрямь нет игрек-хромосомы, а значит, когда космический корабль войдет в гиперпространство, она умрет. Если не будет лежать в анабиозе, конечно. Со льдинками на глазах...

Зачем я про эти льдинки ляпнул? Нет там никаких льдинок, нас же учили... Всю воду из тела удаляют, точнее, связывают с глицерином и каким-то полимером...

– Дайка! – крикнул я, привстав на локтях. – Дайка!

Но она шла не оборачиваясь.

Тогда я снова растянулся на каменной плите и посмотрел на исчезающий след корабля. Гиперпространственный канал, через который корабли летают между звездами, у нас близко. Через час корабль в него нырнет и повезет руду на промышленную планету. А потом, может быть, к другим, интересным мирам. Конечно, никогда мне столько не заработать, чтобы выучиться на пилота.

Если я и смогу полететь в космос – то только частью компьютера. «Мозгами в бутылке», как это презрительно называют.

Только ведь все равно так тоже летают. И иногда потом зарабатывают достаточно, чтобы стать настоящим пилотом. Я повернулся и бросил подвернувшимся камешком в плечо Глеба, который загорал неподалеку. Он меня и приволок на речку, потому что считает осенний загар самым здоровым и правильным. Глеб поднял голову с полотенца и вопросительно посмотрел на меня. То ли вообще мой разговор с Дайкой не слышал, то ли не придавал ему значения.

И я объяснил ему, что собираюсь сделать.

Глеб сказал, что я кретин. Что подключение к компьютеру в режиме «расчетного модуля» выжигает нейроны, гасит волю и отупляет. Что проще пойти в Дом Прощаний, хоть какая-то польза государству...

Тут он заткнулся, потому что вспомнил про моих родителей. Но я не обиделся. Только ответил, что многие великие пилоты начинали с того, что летали на кораблях «модулями». Надо лишь вовремя уволиться, и все. И если уж рисковать, то именно в нашем возрасте, пока мозг пластичен и еще развивается. Тогда всё компенсируется.

Глеб снова сказал, что я кретин. И вытянулся под тусклым оранжевым солнцем. Я тоже замолчал и лежал, глядя в небо. У нас оно оранжевое, даже когда тихий сезон. На Земле и Авалоне голубое. А бывает еще зеленое, темно-синее и желтое. И облака не обязательно состоят из песка, могут и из водяных паров. Только если остаться на Карьере, то этого не увидишь.

Я вдруг понял, что все очень просто. Что никакого выхода у меня нет. Не могу я здесь жить, не хочу и не буду.

Социальный чиновник нашего квартала была женщиной. Может быть, поэтому она так на меня уставилась, когда я объяснил, что хочу наняться на корабль расчетным модулем. И смотрела очень долго, будто ожидала, что я покраснею, отведу взгляд и заберу со стола документы. Но я сидел и ждал, так что ей пришлось открыть папку.

С документами все было в порядке. Выкуп государству за право работы в космосе я мог уплатить своим паем на жизнеобеспечение и квартирой, которую родители переписали на меня. Три комнаты по восемь квадратных метров, кухня и санитарный блок... мои родители когда-то и впрямь хорошо зарабатывали. Обязательный образовательный минимум я получил. Соседи по дому написали мне очень хорошие рекомендации: наверное, рассчитывали поделить квартиру между собой.

– Тиккирей, – негромко сказала чиновница. – Работа расчетным модулем – это самоубийство. Ты это понимаешь?

– Да. – Я заранее решил, что спорить не буду и объяснять ничего – тоже.

– Ты будешь лежать в коме, а твой мозг – прокручивать потоки информации! – Она завела глаза в потолок, будто ей самой воткнули в нейрошунт кабель с потоком информации. – Ты будешь взрослеть, потом стареть, просыпаться на несколько дней раз в месяц, а твое тело – стариться. Понимаешь? Это словно прожить не сто лет, как все люди, а в двадцать раз меньше. Представляешь, Тиккирей? Тебе осталось жить пять лет!

– Я поработаю лет пять или десять, потом уволюсь и выучусь на пилота, – сказал я.

– Да не уволишься ты! – Чиновница в сердцах шлепнула папкой об стол. – Тебе этого уже не захочется! Твои мозги разучатся чего-то хотеть!

– Посмотрим, – ответил я.

– Я ничего не подпишу, Тиккирей, – заявила чиновница. – Забирай свои документы и отправляйся в школу. Твои родители так о тебе позаботились, а ты...

– Вы не имеете права не подписывать, – сказал я. – Вы сами это прекрасно знаете. Если я выйду без подписи, то пойду в городскую социальную службу и подам на вас жалобу. За

необоснованный отказ в выдаче разрешения у вас снимут пай жизнеобеспечения за полгода или за год. Нельзя нарушать закон!

Лицо женщины пошло красными пятнами. Она ведь и впрямь думала, что знает, как мне лучше.

– Подготовился? – поинтересовалась она.

– Конечно. Я всегда готовлюсь.

Чиновница снова раскрыла папку и стала подписывать бумаги. Чирк, чирк, чирк...

– В восьмой кабинет, там поставят печать и снимут копию, – сухо сказала она, возвращая бумаги.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Счастливых пяти лет, мозги в бутылке... – ядовито прошипела она.

Я не обиделся. Может быть, когда-то, как и Дайка, она сама мечтала летать в космос.

Конечно, на нашу планету не летают интересные космические корабли. Ну что у нас делать богатым туристам или военным? Раз в полгода заходит пассажирский лайнер, который следует до самой Земли, но у него экипаж наверняка укомплектован. Зато грузовики ходят каждый день. А на каждом грузовике, даже самом маленьком, должно быть десять – двенадцать расчетных модулей помимо основного экипажа.

Так что я взял немного денег: и остатки того, что выдали родителям, и свои капиталы, и даже набор антикварных монет, оставшийся от дедушки, – он на самом деле мало чего стоил, но монеты имели хождение. И отправился в космопорт. Вначале подземкой, из жилого купола в технический, а оттуда автобусом, через открытое пространство. Никто не обращал на меня внимания – может быть, думали, что я еду к родителям, работающим где-нибудь в порту.

Когда автобус остановился у гостиницы, я расплатился и вышел.

У нас, на Карьере, нет своего космофлота, нет и каких-то агентств по найму. Поэтому когда капитанам кораблей нужны расчетные модули, они просто идут в бар при космопорте и там ждут за кружкой пива. Я это слышал от взрослых, видел в новостях и теперь хотел попытаться удачи сам.

Бар оказался вовсе не таким роскошным, каким выглядел по ти-ви. То есть да, там была и стена с автографами знаменитых пилотов, и кусок обшивки боевого корабля Империи, и стойка с инопланетными напитками, которые стоили совершенно безумных денег. Только все это было какое-то маленькое, и народу в баре оказалось человек десять. А я-то думал, что бар будет огромный, не меньше спортивного зала в школе...

В полутьме, сквозь которую плыли красивые голографические мороки, я прошел к стойке. Глянул на цены и обомлел. Стакан лимонада здесь стоил дороже, чем двухлитровая бутылка в магазине. Но деваться было некуда. Я достал самую крупную купюру из тех, что у меня были, купил кружку имбирного пива, забрал сдачу и забрался на высокий крутящийся стул.

Бармен – совсем молодой парень с радионасадкой в шунте – с любопытством разглядывал меня. Потом покосился на кофеварку – та зашипела и выдала ему чашку одуряюще пахнущего кофе.

– Извините, здесь есть капитаны кораблей? – спросил я.

– А, – сказал бармен. – Как же я не понял сразу... Нет, парень. В порту сейчас всего два рудовоза, и один уже в предстартовом отсчете.

– Скоро взлетает? – солидно спросил я и отхлебнул пива. Вкусное.

– Через пару минут, ты услышишь. Если хочешь, я выведу картинку.

– Что я, старта не видел? А как мне найти второго капитана?

– Хочешь наняться в расчетные модули?

Он не стал говорить про «мозги в бутылке» и поэтому сразу мне понравился.

– А как вы узнали?

Бармен усмехнулся:

– Что еще может делать подросток в этом баре? Пить имбирное пиво, которое стоит больше, чем обед в городском кафе? Тебе не капитан нужен, дружок. Капитаны нанимают настоящих космонавтов, модулями занимается старпом.

– Расчетные модули – тоже члены экипажа.

– Да, примерно как моя кофеварка. Хочешь кофе? Я угощаю.

Кофе мне хотелось, но я покачал головой. Парень посмотрел на меня, потом пожал плечами:

– На мозги капать не стану, они тебе еще понадобятся. Какой у тебя нейрошунт?

– Креатив-гигабит.

Кажется, он удивился.

– Да, неплохо. И все документы ты собрал? И родители подписали разрешения?

– Родители воспользовались конституционным правом. Неделю назад.

– Ясно. – Он отставил чашку. – Вон там, в углу, под железякой...

К прославленному сегменту брони имперского крейсера у него никакого уважения не было.

– Ну? – спросил я.

– Мужик, который хлещет водку, – старпом второго грузовоза. Поставь ему выпивку, так положено. И предложи свои услуги.

Я сразу покосился на прејскурант, но бармен вдруг накрыл его рукой.

– От кофе ты отказался, так что... Просто махни мне рукой, я подам.

– Спасибо, – пробормотал я. Цены на спиртное я успел заметить: если бы пришлось платить, то у меня бы не хватило даже на обратную дорогу.

– За такое не благодарят. Если уверен, что прав, то иди.

– Спасибо, – упрямо повторил я.

Бар вдруг мягко толкнуло. Сквозь затемненные окна пробилось красное сияние. Старпом за угловым столиком поднял рюмку, будто чокаясь с кем-то невидимым, и залпом выпил.

– С перегрузом пошел, на маршевых, – заметил бармен. – Ладно, решай, парень.

Я соскочил со стула и пошел к старпому. Мне не то чтобы было страшно – в конце концов, я готов был ездить сюда каждый день... но не станет же добрый бармен помогать мне каждый раз. Очень не хотелось упустить такую удачу.

Старпом поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Перед ним стояла почти пустая бутылка, папа никогда бы столько не выпил. А космонавт даже не казался пьяным. Ему было лет сорок, и ничего особенного во внешности не было. Ни шрамов, ни космического загара, ни искусственных органов.

– Добрый вечер, – сказал я. – Разрешите вас угостить?

Некоторое время старпом молчал, потом пожал плечами:

– Угощай.

Я махнул бармену рукой, и тот с совершенно серьезным непроницаемым лицом кивнул в ответ. Поставил на киберподнос две полные рюмки и отправил его через зал. Маленький гравитатор подноса мигал оранжевым – видно, разрядился. Но поднос долетел до столика благополучно, даже увернулся от руки какого-то типа, который с хохотом потянулся за рюмкой.

Только когда я снял обе рюмки, я сообразил, что мне тоже придется пить. Раньше я пробовал лишь хмелевое пиво и шампанское. Но шампанское так давно, что даже не помню, а пиво мне не понравилось.

– Сильно тряхнуло при старте, не находишь? – сказал вдруг старпом.

Я вспомнил слова бармена и ответил:

– На маршевых пошел. С перегрузом.

– А ты не дурак, мальчик, – удовлетворенно заметил старпом. – Давай, за удачный гипер...

Он выпил залпом, даже не поморщившись. Я вспомнил, как пил водку отец, задержал дыхание и одним глотком влил ее в себя.

И тут же торопливо запил имбирным пивом. Получилось совсем неплохо. Нос защекотало резким запахом, и в глотке стало горячо. А так – нормально.

– Ого, – сказал старпом. – Ладно, теперь говори, что тебе нужно?

– Я хотел бы предложить свои услуги в качестве расчетного модуля, – выпалил я.

– Какой шунт?

– Креатив-гигабит.

– На потоковый режим тестировался?

– Восемьдесят четыре с половиной.

Старпом почесал подбородок. Плеснул себе водки, потом покосился на меня. Я кивнул, и он налил половину рюмки и мне.

– У тебя есть разрешение?

– Да. – Я полез в карман, но космонавт покачал головой:

– Не сейчас... Все схвачено, все улажено, все разрешения, верю... Зачем оно тебе?

– Я не хочу здесь жить, – честно ответил я.

– Если бы ты сказал, что жить без космоса не можешь, я бы тебе всыпал ремня, – непонятно выразился старпом. – Но здесь жить... да, я бы тоже не хотел... Ты хоть представляешь себе, что такое – расчетный модуль?

– Это подключение мозга в режиме потоковой обработки данных, позволяющее осуществлять навигацию в гиперпространстве, – отчеканил я. – Поскольку быстродействие электронных вычислительных систем падает прямо пропорционально скорости корабля при превышении константы C , единственным методом навигации в гиперканале является использование возможностей человеческого мозга.

– Думать при этом ты не сможешь, – объяснил старпом. – Ты даже помнить ничего не будешь. Воткнули тебе шунт, ты отключился. Потом ожил, уже после посадки. Немного болит голова, и кажется, будто прошла минута, только борода выросла... впрочем, какая у тебя борода. Ну и? Что ж в этом хорошего?

– Я не хочу здесь жить, – упрямо повторил я. Раз уж этот довод старпому понравился...

– Оплата расчетных модулей прогрессивная, и за пять лет реального времени ты можешь скопить сумму, достаточную для поступления в космошколу, – продолжал старпом. – Тем более по возрасту ты вполне им сгодишься. Но есть такая беда – работа в потоковом режиме нарушает процессы мотивации и целеполагания. Ты не захочешь куда-то уходить. Понимаешь?

– Захочу.

– Только два процента лиц, работавших расчетными модулями, уходят после истечения стандартного пятилетнего контракта. Около процента прерывают контракт досрочно. Все остальные работают до... до смерти.

– Я рискну.

– Рисковый ты парень. – Старпом поднял рюмку и выпил. Я подумал и последовал его примеру. Во второй раз почему-то получилось хуже – я закашлялся, и старпом похлопал меня по спине.

– Возьмите меня, пожалуйста, – попросил я, отдышавшись. – Я ведь все равно наймусь. Не к вам, так к кому-нибудь другому.

Старпом поднялся. В его бутылке еще немного оставалось, но он будто внимания не обратил. Космонавты – они все чертовски богатые.

– Пошли.

Когда мы выходили, я подмигнул бармену. Тот улыбнулся и развел руками. Будто не слишком меня одобряет, но признает мое право решать. Очень хороший человек, наверное, потому, что в космопорте работает.

Через красивый вестибюль гостиницы мы прошли к лифтам. Охраннику старпом молча показал свой галактический паспорт, и тот не сказал ни слова. Рядом с лифтами был еще один маленький бар, даже не отделенный стеной. Там сидело человек пять девушек, все очень красивые и разные – азиатка, негритянка, беленькие. Они очень медленно пили кофе. Азиатка что-то сказала подругам, глядя на нас, те захохотали.

– Цыц, груз... – рявкнул старпом, багровея.

Девушки захохотали еще сильнее. Я косился на них, пока мы подымались в стеклянной шахте лифта на верхние этажи.

– Вначале посмотрим, что скажет доктор, – сообщил старпом. – Вашей медицине я не верю.

– Ага, – согласился я. – У нас хорошая медицина, но отсталая.

Вслед за старпомом я вошел в одну из дверей. Это был гостиничный номер, совершенно роскошный, в нем была видеостена, по которой шел какой-то исторический фильм. В кресле напротив стены развалился тощий высокий мужчина, держащий в руке тонкий бокал с каким-то напитком. Бокал очень походил на него, и я улыбнулся.

Вообще все складывалось здорово!

– Антон, – подталкивая меня вперед, сказал старпом, – посмотри парня. Хочет пойти с нами расчетным модулем.

Мужчина обернулся, отставил бокал и сказал:

– Идиоты молодеют. Ты ему хоть объяснил, что такое быть в потоковой системе?

– Объяснил. Да он и сам все прекрасно понимает. – Старпом ухмыльнулся. – Даже заметил, что «Аризона» стартовала на маршевых.

Антон покосился на стену, и та погасла, а свет в комнате стал ярче. Я заметил, что в номере окна тоже сделаны непрозрачными, как в баре. Наверное, космонавтам так не нравится смотреть на нашу планету, что они затемняют все окна.

– Раздевайся, – велел он.

– Совсем? – спросил я.

– Нет, сапоги можешь оставить.

Он, конечно, иронизировал. Кто же носит сапоги в куполе? Я разделся догола, сложив одежду на стуле, который мне подвинул старпом.

– Какой у тебя шунт? – спросил Антон. – «Нейрон»?

Какие все-таки молодцы были мои родители! У нас в классе почти все с «Нейронами», гадкая штука. Я сказал, что у меня «Креатив».

– Серьезный парень, – согласился Антон, доставая маленький чемоданчик. – Становись вот тут. – Я послушно встал, развел руки, как он велел. Антон извлек из чемоданчика шнур, предупредил: – Сейчас закружится голова.

Голова у меня и так кружилась, но я этого не сказал. Корабельный врач – Антон точно был корабельным врачом – подключил к нейрошунту шнур, потом разложил и установил передо мной сканер на треноге.

– Нервы крепкие? – спросил он.

– Угу.

– Это хорошо.

Видеостена снова заработала. Только теперь на ней был я. Сканер тихонько зажужжал, покачивая детекторной головкой. Изображение на стене стало меняться.

Вначале с меня будто содрали кожу. Я даже скосил глаза, чтобы убедиться, что она на месте. Вокруг моего изображения замигали какие-то надписи и цифры. Не на лингве – на незнакомом языке.

– Питаешься хорошо? – спросил Антон.

– Ага.

– Хрен там хорошо... Ладно, тебе не мешки таскать.

Теперь с моего изображения содрали все мышцы. Остались кости и все внутренние органы. Я зажмурился, чувствуя, как подкатывается тошнота.

– Желудок часто болит? – спросил врач.

– Нет. Никогда не болит.

– Зачем врать-то? Видно же... Павел! Ты что, водкой его поил?

– Как принято. Выпили по рюмке.

– Экипаж кретинов... Мальчик, у тебя были положительные мутации?

– Ага. Набор «инферно».

Глаз я так и не открыл, но слушал, как Антон объясняет старпому:

– Видишь, увеличены органы иммунной системы? Почки модифицированы для вывода нуклидов, защищены щитовидка и тестикулы. Мальчик может неплохо держать радиацию. Ну и обычные мелочи – аппендикс полностью заполнен лимфоидной тканью, усилено сердце...

– Слушай, Антон, меня сейчас стошнит. Избавь меня от зрелища освежеванного ребенка!

– Да как скажешь...

Я снова открыл глаза и посмотрел на собственный скелет. Скелет был даже симпатичный, только какой-то очень уж жалкий.

– Руку ломал? – спросил врач.

– Правую, – признался я. В моей медицинской карте даже записи об этом не было, и я надеялся, что никто и не узнает.

– Ничего, неплохо срослось, – милостиво согласился Антон. Достал ручной детектор, подошел и, уже не глядя на экран, стал водить по мне датчиком.

– Пойдет? – поинтересовался старпом. Он сидел в покинутом Антоном кресле, флегматично допивал напиток из его стакана и курил сигарету.

– Соматика приличная, – признал Антон. – Сейчас проверим шунт на поток... ты в туалет давно ходил, парень?

– А? – не понял я.

Антон поморщился:

– Ладно, может, и пронесет.

– Ох, пронесет! – весело подтвердил старпом.

Антон крепко взял меня под мышки, приподнял и посоветовал:

– Держись.

...Наверное, команду он отдал по своему шунту. Потому что отключился я мгновенно. А когда через мгновение пришел в себя, голова болела, а руки слегка подергивались. Антон все так же крепко держал меня на весу. Ноги у меня были мокрые, по полу елозила черепашка кибер-уборщица, временами натываясь на ступни.

Я обмочился!

– Иди в душ, вон та дверь, – велел Антон. – Вымойся и одевайся.

Он морщился, но вроде бы не злился. Я схватил одежду и бросился в ванную; красный как рак, понимающий, что все кончено. Хорош расчетный модуль, у которого сфинктеры не держат... Поливая себя из душа, я мрачно думал, что стоит сразу уйти. Даже не возвращаясь в комнату.

Но я все-таки вернулся.

Антон снова сидел в своем кресле, чемоданчик был собран, по стене шли замысловатые цветные узоры. Старпом курил. Пол был чистый и сухой.

– Простите, – пробормотал я.

– Да я сам виноват, – неожиданно ответил Антон. – Слишком долго тебя гонял в потоке.

– Долго? – не понял я.

– Четверть часа. Уж больно любопытные показатели были. У тебя не восемьдесят четыре с половиной, как в аттестате, парень. У тебя девяносто и семь десятых. Великолепный показатель. С таким берут в военный флот, на пилотажно-капитанский.

Старпом, похоже, понял мой страх.

– Да принят ты, принят, – сказал он. – Если и впрямь хочешь, то мы тебя возьмем в расчетные модули.

– Хотя я бы посоветовал побережь мозги, – заметил Антон. – Понимаешь, приятель, лобные доли мозга не любят потокового режима. Они... как бы это сказать. Засыпают. Начинают лениться. Со всеми вытекающими...

Он вдруг захохотал, я понял причину и снова покраснел.

– В общем, я бы тебе не советовал, – уже серьезно продолжил Антон. – Честно. Но если ты настаиваешь – возьмем с удовольствием. У нас и так нехватка модулей.

– Я... я готов.

– Тебе нужно уладить какие-то дела? – спросил старпом.

– Да, наверное.

Я же не знал, что все решится так быстро!

– Тогда приходи завтра утром. Старт будет вечером... впрочем, тебе это без разницы.

Я закивал, пятясь к двери.

– Подожди! – вдруг велел Антон. – Хочу объяснить тебе еще одну вещь, мальчик. Сейчас мы разговариваем с тобой, и нам это приятно. Потому что ты умный, славный паренек. Который вполне мог бы стать нашим коллегой... настоящим коллегой. Но если ты станешь расчетным модулем – все изменится. Мы будем относиться к тебе совсем по-другому. Даже когда после первого рейса ты выйдешь посмотреть на инопланетный порт: еще веселый, любопытный и настоящий. Но мы больше не будем с тобой болтать, шутить и улыбаться. Потому что видели десятки и сотни таких, как ты, поначалу – умных, славных, хороших. И если относиться к вам как людям, после того как вы встали в поток, то никаких нервов не хватит.

Меня словно отхлестали по щекам. Я сглотнул какой-то комок – потому что мне нравился и старпом, и даже этот ехидный язвительный врач.

А сейчас они смотрели на меня очень серьезно и...

Словно я на родителей, когда они рассказали мне про Дом Прощаний.

– Как член экипажа и совладелец корабля, имеющий в нем свой пай, я очень хочу взять тебя в расчетную команду, – сказал старпом, откашлявшись. – А вот как человек, у которого свои пацаны подрастают, я бы тебе не советовал приходить.

– Я приду, – прошептал я.

– Вот, возьми. – Старпом подошел ко мне, протянул несколько сколотых листов. – Это наш контракт приема на работу в качестве расчетного модуля. Контракт стандартный, один в один рекомендованный Гильдией. Но ты все-таки его изучи как следует. Дальше – тебе решать.

Я схватил листки и выскочил за дверь. Голова гудела, немножко чесалась кожа над ухом, вокруг шунта. Это от волнения.

А еще мне было не по себе оттого, что и старпом, и врач говорили чистую правду. Оттого, что они были хорошие люди.

И оттого, что я собирался их всех обмануть.

Глава 2

Провожать меня поехал только Глеб. Прогулял школу и поехал.

Он почти до конца мне не верил. Хотя увидел и пустую квартиру, откуда унесли муниципальную мебель, а то, что принадлежало родителям – в маленьком контейнере складировали в подвале.

– Ты псих, – сказал Глеб, когда автобус подъезжал к космопорту. Он начал верить. – Будешь дебилом. Ты что, старых модулей не видел?

– Они вовремя не вышли, – сказал я. Чемоданчик с вещами я держал на коленях. Как я узнал из контракта, у меня было право на двенадцать килограммов вещей.

– И ты не выйдешь. За пять лет мозги спекаются. – Глеб вдруг облизнул губы и сказал: – У меня билет имперской лотереи, ты знаешь?

Я знал. У Глеба был один шанс из двадцати выиграть бесплатное обучение на любую специальность. Он собирался стать пилотом, конечно же.

– Хочешь, я его тебе отдам?

– Тебя родители убьют, – ответил я.

– Нет. Не убьют. Я уже поговорил с ними. Я могу переписать билет на тебя. Хочешь?

Билет имперской лотереи – это здорово. Я о нем и не мечтал... зато нейрошунт у меня «Креатив», а у Глеба – только «Нейрон».

– Спасибо, Глеб. Не надо.

Он растерянно заморгал жиденькими белыми ресницами. Глеб очень светловолосый и бледный. Это не мутация, это наследственность.

– Тиккирей, я честно...

– Глеб, я вечером буду в космосе.

– Это будешь не ты, – прошептал Глеб.

Когда автобус остановился у гостиницы, он вяло протянул мне руку. Я ее пожал и спросил:

– Зайдешь?

Глеб покачал головой, и я не стал спорить. Долгие провода – лишние слезы.

Меня ждал космос.

Я не знал, где живет старпом и остальной экипаж корабля. Поэтому пошел в номер к доктору.

Дверь снова была не заперта, и дверь в ванную распахнута. Антон стоял у зеркала, в одних трусах, и брился древней механической бритвой. Будто нельзя заморозить все волосяные фолликулы раз и навсегда.

– Ага, – сказал он, не оборачиваясь. Я видел только отражение его глаз в зеркале, но мне показалось, что их выражение изменилось. – Ясно. Номер семьдесят три. Там капитан.

– Кто пришел? – раздался голос из комнаты. Тонкий, девичий.

– Это не к нам, – отозвался Антон. Но из комнаты выглянула смуглая девушка – одна из тех, что вчера смеялась. При виде меня она вначале улыбнулась, а потом помрачнела. Наверное, она была совсем голая, потому что замоталась в простыню.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Какой ты дурачок, – сказала девушка. – Господи, ну откуда берутся...

– Замолкни, груз! – процедил я. Получилось. Почти как у старпома. Девушка замолчала, часто моргая. Антон на миг прекратил бриться, потом бритва продолжила движения. Вверх-вниз.

А я повернулся и пошел в семьдесят третий номер.

Капитан был младше и старпома, и доктора. Наверное, он окончил какую-то очень известную космошколу, если ему доверили командовать кораблем. Крепкий, красивый, в парадной белой форме.

– Тиккирей, – утвердительно сказал он, когда я вошел. Почему-то я понял, что он видел запись моего вчерашнего обследования, и мне стало стыдно. Перед Антоном или старпомом не было стыдно. А перед настоящим капитаном, который, даже сидя один в номере, оставался в парадной одежде, – стыдно.

– Да, капитан.

– Значит, не передумал?

– Да, капитан.

– С контрактом ознакомился?

– Да, капитан.

Контракт я читал до трех часов ночи. Он и впрямь был стандартным, но я все проверил.

– Тиккирей, может быть, ты думаешь нас обмануть? – предположил капитан. – Сделать два-три рейса, выбрать планету посимпатичнее и там сойти?

– Разве я имею на это право? – очень натурально удивился я.

– Имеешь, конечно, только что это тебе даст? – Несколько секунд капитан пристально смотрел на меня. – Ладно, не будем тянуть.

Он сел за стол, быстро проглядел мои бумаги, проверил подлинность печатей ручным сканером, подписал контракт и вернул мне один экземпляр. Протянул руку:

– Поздравляю вас, Тиккирей. Отныне вы член расчетной группы космического корабля «Клязьма».

Мне не понравилось то, что он назвал меня не членом экипажа, а членом расчетной группы. А еще больше не понравилась фраза «Только что это тебе даст?». Но я улыбнулся и пожал ему руку.

– Вот тебе подъемные. – Капитан достал из кармана несколько банкнот. – Они не оговорены в контракте, но это добрая традиция – к первому старту. Только постарайся не...

На секунду капитан замолчал, потом засмеялся:

– Да нет, ты не напьешься, я думаю.

– Не напьюсь, – пообещал я. Вчера, после водки, меня стошнило в автобусе. А может быть, это случилось еще и из-за проверки моей работоспособности...

– Сбор в пять часов внизу, в вестибюле, – сказал капитан. – Да, и... Это опять же не оговорено, но если тебя там не окажется, я не стану подавать в суд. Просто порву контракт.

– Я буду.

– Хорошо, Тиккирей.

Я понял, что разговор окончен, и вышел из номера. Внизу, в баре, было так же немногочисленно и бармен был прежний. Он улыбнулся мне, а я подошел и положил одну банкноту на стойку.

– Это за вчера. И... у вас есть молочные коктейли?

– Конечно, есть. – Бармен выдал мне сдачу. – Приняли?

– Приняли. У меня оказались очень хорошие показатели. Правда.

– Здорово. Только ты вовремя завяжи с этой работой, ладно? С чем тебе коктейль?

– С апельсином, – сказал я наугад.

Бармен поморщился, наклонился ко мне. Заговорщицки прошептал:

– Скажу по секрету, самые вкусные молочные коктейли – это самые простые. Например – с шоколадом и щепоткой ванили.

– Давай, – так же шепотом ответил я.

Это и впрямь было вкусно. Я так и просидел в баре до пяти часов, оставив чемодан за стойкой у бармена, чтобы не следить за ним. Пару раз сбегал в туалет, чтобы не повторилось вчерашнего конфуза. Хотя, наверное, на корабле все это как-то продумано.

Последний коктейль я допил впопыхах, поглядывая на часы. Пожал руку бармену и выскочил в вестибюль.

Весь экипаж уже собрался. Капитан, старпом, доктор. И еще два человека, которых я не видел, – наверное, навигатор и карго-мастер.

– Опаздываешь, модуль, – холодно сказал доктор. Он свое обещание сдержал – для него я уже не был славным мальчиком.

– Простите, больше не повторится, – сжимая ручку чемодана, сказал я. Старпом молча взял у меня из рук чемодан, прикинул вес, вернул.

– Идем, – сказал капитан. Все повернулись и двинулись к шлюзу, к которому уже был пристыкован микроавтобус.

На меня даже внимания не обращали. И дверь автобуса закрыли, едва я успел переступить порог. Старпом и доктор сидели рядом, карго и навигатор – тоже. Рядом с капитаном было свободное место, но на него он очень аккуратно положил свою фуражку.

Я прошел в конец автобуса, сел на свободный ряд кресел.

Капитан поднял и надел фуражку.

Автобус покатился по оранжевому такыру.

«Клязьма» была стандартным сухогрузом, такие к нам непрерывно летают. Керамическая туша двухсот метров в длину, похожая на слишком вытянутое яйцо. При посадке она выдвигала опоры, но по сравнению с кораблем они были почти невидимы – такие маленькие. Казалось, что «Клязьма» лежит прямо на песке, сплавленном за многие годы в твердую каменистую корку. Грузовой люк был уже закрыт, но вдали еще пылила колонна большегрузных грузовиков, загружавших в корабль обогащенную руду.

– Последний рейс в этот гадючник, – сказал старпом. – Слава тебе, Господи...

– Зато какой пай, – негромко возразил тот, кого я считал навигатором. Это был негр, пожилой, полный, с очень добрым лицом.

– Да, пай хорош, – согласился доктор. – И хороший модуль наняли.

– Еще надо проверить, – кисло возразил старпом.

– Хороший, хороший, – повторил доктор. – Что я, тестировать разучился?

Обо мне они говорили так, словно я был покупкой, валявшейся на заднем сиденье. Я сцепил зубы и промолчал. Наверное, это такое испытание. Чтобы убедиться, серьезно я настроен с ними работать или начну ныть и возмущаться.

Автобус пристыковался к шлюзу – спустившейся сверху прозрачной трубе. Вшестером мы едва втиснулись в маленькую кабинку лифта. Меня прижало к капитану.

– Простите, капитан... – сказал я.

Он молчал. Старпом тронул меня за плечо и холодно подсказал:

– Разрешите обратиться, капитан...

– Разрешите обратиться, капитан, – повторил я.

– Разрешаю.

– А где остальные члены расчетной команды? Они вернулись раньше?

Мне вдруг стало страшно. Я подумал, что у них вообще нет модулей и, значит, моим мозгам придется работать непрерывно.

– Они не сходили с корабля, – ответил капитан.

Больше ничего я спрашивать не стал.

Из шлюзовой камеры, довольно большой, со скафандрами в застекленных нишах, какими-то приборами на стенах и принайтованным к полу флаером, все немедленно стали расходиться по своим делам. Капитан бросил, ни к кому не обращаясь:

– Старт через пятьдесят минут, через сорок всем быть в сети.

Я стоял, разинув рот и ничего не понимая. А мне куда идти?

Пальцы доктора цепко взяли меня за плечо.

– Иди за мной.

Мы поднялись в лифте, прошли по коридору. Доктор молчал, он был серьезен и сосредоточен.

– Извините, а что я должен буду делать?.. – начал я.

– Для твоей работы тебе вовсе не требуется что-либо знать, – отрезал доктор. – Ты – «мозги в бутылке», понимаешь? Входи.

Он подтолкнул меня вперед, и я первым вошел в небольшой зал. Тут был стол, и большая видеостена, и мягкие глубокие кресла. В креслах сидели люди – остальные расчетные модули. Их было пятеро – трое немолодых, один средних лет и один паренек лет семнадцати.

– Добрый день, расчетная команда, – сказал доктор.

Все пятеро зашевелились. Те, что постарше, кивнули. Мужчина средних лет что-то буркнул. А паренек поздоровался:

– Привет, док.

Они вовсе не выглядели дебилами. Скорее – людьми, увлеченными фильмом, который шел на экране. Что-то авантюрно-приключенческое, там как раз молодая красивая женщина доказывала кому-то, что она может переносить гипер, потому что ей специально пересажена игрек-хромосома. Вот же бред, как можно пересадить хромосому во все клетки сразу?

– Это ваш новенький друг, – сказал доктор. – Его зовут Тиккирей... если кому-то интересно.

– Привет, Тиккирей, – сказал парень. – Меня зовут Кеол.

Он даже улыбнулся.

– Ты сходил с корабля? – спросил док.

Кеол поморщился.

– Нет. Не люблю эту планету.

– Ты же вроде бы... – Доктор махнул рукой. – Ладно. Все по местам! Старт через сорок минут.

Поднялись все сразу. Экран погас. Из щелей выскользнули несколько черепашек-уборщиц и принялись елозить по полу. Я заметил, что кое-где рассыпан попкорн, обертки от шоколада и еще какой-то мусор.

– Мне помочь новенькому? – спросил Кеол.

– Я сам все объясню. Ты проследи за стариками.

– Хорошо, док, – сказал Кеол.

– Он самый сохраннный из всех, – не понижая голоса, сказал доктор. Кеол даже не вздрогнул. И посмотрел на меня.

Я молчал, меня немножко колотило мелкой дрожью.

– Автобус еще не отошел, – сказал доктор. – Я попросил водителя выждать двадцать минут. Если хочешь, я провожу тебя в шлюз.

Во рту у меня пересохло, но я все-таки пошевелил языком и сказал:

– Нет.

– Это было последнее предложение, – сказал Антон. – Идем.

В зале было штук десять дверей, семь из них сразу выделялись – более широкие и какие-то массивные. В эти двери и уходили модули. Доктор подвел меня к крайней, заставил приложить руку к сенсорной пластине. Сообщил:

– Теперь это твоя бутылка.

Помещение и впрямь походило на лежащую бутылку... даже стены и потолок выгибались дугой. Здесь не было ничего, кроме странной штуки, походившей на кровать для тяжелобольного. Поверхность ее была гибкая, блестящая и упругая. Почти посередине – отверстие.

– Раздевайся, – сказал доктор. – Все вещи и одежду – сюда.

Я разделся, убрал вещи в стенной шкафчик, тоже запирающийся на сенсорный замок. Молча лег на кровать. Было довольно мягко и удобно.

– Значит, так, – сказал доктор. – Самые сложные процессы для модуля... понимаешь какие?

– Понимаю, – ответил я.

– Ходишь ты под себя, – сказал доктор. – Биде встроено в кровать и включается автоматически. Если у тебя нарушается работа кишечника, шунт начинает самостоятельно выдавать команды на периферийную нервную систему. Каждый час кровать массирует тебя. Раз в сутки нейрошунт выдает команды на сокращение мускулатуры, чтобы избежать мышечной дистрофии. Состояние здоровья контролируется непрерывно, если что – я прихожу и оказываю помощь. Так... Питание...

Он запустил руку под кровать и вытащил из какого-то гнезда шланг с расширением на конце.

– Это не питание, – увидев мои выпученные глаза, сказал доктор, – это мочеприемник. Приладь сам.

Я приладил.

Самое унижительное было именно в том, что доктор стоял рядом, давал советы и отпускал комментарии. Словно он был на меня очень зол. За то, что я все-таки отверг их советы и пришел на корабль...

Второй шланг, который он достал, как раз и был «питанием». Доктор быстро подобрал мне загубник, подходящий по размерам. Я взял его в рот.

– Питание жидкое, выдается небольшими порциями одновременно со стимуляцией сосательного рефлекса, – пояснил доктор. – Хочешь попробовать?

Я покачал головой.

– И правильно. Ничего вкусного. Полезно, легко усваивается... дает минимум отходов. Но не более того.

Потом он пристегнул меня поверх кровати четырьмя широкими ремнями, приговаривая:

– Запоминай порядок. В дальнейшем будешь делать все сам. Это вполне удобно, руки у тебя остаются свободными до конца. Потом ты всовываешь их в эти петли – они затянутся автоматически. Система простая, удобная, не меняется уже полсотни лет. Хочешь что-то сказать?

Я кивнул, и доктор вынул мне загубник.

– Когда мы прилетим, я смогу выйти в космопорт? Погулять...

– Конечно. – Доктор даже удивился. – Или считаешь нас бандой, которая держит модулей принудительно? Тиккирей... самое печальное, что в этом нет нужды. Я уверяю тебя, Тиккирей, что если бы освоение космоса требовало вынимать людям мозги и держать их в банках настоящего, мы бы так и делали. Человеческая мораль чудовищно пластична. Но это не нужно. Лучшая банка – твое собственное тело. К нему подводится питание, удаляются отходы, а в шунт втыкается кабель. Вот и все, Тиккирей. А то, что некоторые модули все-таки уходят, отработав контракт, – позволяет людям окончательно угомонить свою совесть. Понял?

– Да. Спасибо. – Я улыбнулся, хотя улыбка и вышла жалкой. – Я... я немножко испугался. Что вы будете держать меня в корабле, пока я не стану... как эти.

Доктор Антон тоже улыбнулся. Присел на корточки рядом с кроватью. И потрепал меня по голове.

– Брось. В нашем дурацком, полном законов мире практически нет нужды в насилии. Может, лучше бы наоборот, а?

Он встал, вынул очередной шнур. Я скосил глаза – кабель для нейрошунта. Спросил:

– Я сразу отключусь?

– Да, Тиккирей. Держи свой загубник.

Я послушно взял в рот шланг. Вкуса никакого не чувствовалось, все ведь было много раз стерилизовано. Может, попросить попробовать...

– Удачного гипера, расчетчик, – сказал доктор. И мир исчез.

* * *

Как же у меня болела голова!

Я даже тихонько завыл, когда это почувствовал. На языке был гадостный привкус – будто жевал солено-сладкую глину.

Голова раскалывалась. И чесалась коленка. Затекла правая рука, будто я пытался ее вырвать из тугой петли.

Я лежал на своем месте расчетного модуля. Шнур по-прежнему был в шунте, только уже отключен. Вытянув левую руку – она слушалась лучше, – я выдернул его. Выплюнул загубник.

Ничего себе!

Это не подключение к школьному компьютеру.

Ремни по-прежнему притягивали меня к кровати. Я ухитрился их отцепить, встал. Боялся, что будут подкашиваться ноги, но все оказалось в порядке.

Осторожно коснувшись двери, я выглянул в общий зал.

Там стоял Кеол – голый, бледный и почесывающий живот. При виде меня он заулыбался:

– А, Тиккирей! Привет, Тиккирей. Как ощущения?

– Ничего, – пробормотал я. Вроде бы и впрямь ничего со мной не стряслось.

– Вначале всегда ничего, – серьезно сказал Кеол. – Потом все делается скучным. Неинтересным. С этим надо интенсивно бороться!

Он торжественно погрозил мне пальцем и повторил:

– Интенсивно! Ты простерилизовал кровать?

– Нет... как это?

– Смотри...

Кеол протиснулся в мою «бутылку». Показал – все и впрямь было просто и почти полностью автоматизировано. И впрямь как для тяжелобольных.

– Загубник тоже моешь, – серьезно объяснял он. – Там вечно остатки каши. И вымойся сам! Кровать впитывает выделения, если что-то пролилось, но надо мыться. Начисто! Вот, открой ящик...

Душ был прямо здесь. Гибкий шланг с лейкой на конце и флакон бактерицидного геля, самого обычного дешевого геля, который мы иногда покупали в магазине.

– В полу отверстия, вода стечет туда, – объяснил Кеол. – И кровать окати. Когда выйдешь, просушка и ультрафиолет включатся автоматически.

– Мы прилетели, Кеол? – спросил я.

Он заморгал.

– Мы? Да, наверное. Я не спрашивал. Но если отключились – значит, прилетели. Верно?

Кеол вышел, а я стал торопливо приводить себя в порядок. Вымылся несколько раз, вытерся полотенцем из того же ящика. Все было продумано. Все было просто и целесообразно. Ужас какой-то!

Хорошо, что я не собираюсь больше ложиться в этот гроб и подключаться к потоковому вычислению. Ведь не собираюсь? Я вслушался в свои мысли, боясь, что решимость ослабнет.

Да нет, все было нормально.

Я оделся – в свою одежду. Форму ведь мне так и не выдали. И не надо. Посмотрел дату на часах – ого, я пролежал в потоке почти две недели!

Потом взял чемоданчик и вышел из «бутылки».

– Голова болит, Тиккирей? – спросил меня Кеол.

– Да, – признался я.

– Выпей. – Он протянул мне банку какого-то напитка. – Специальный. Снимает боль и тонизирует.

Он и впрямь был нормальнее всех остальных расчетчиков. Он еще пытался заботиться об окружающих. А на это нужны какая-то воля и целеполагание.

– Удачи тебе, – сказал я и вышел в коридор.

Маршрут к шлюзу я вроде бы помнил, ведь только что мы с доктором Антоном шли оттуда. Ну, я понимаю, что не совсем «только что». Но я ведь не помнил все эти дни полета... интересно, сколько же мы летели?

Впрочем, в шлюз я пока не хотел. Обманывать капитана и экипаж я вовсе не собирался. Мне надо было найти кого-нибудь – и я нашел. Наткнулся прямо на старпома, идущего к шлюзу. Тот внимательно осмотрел меня, задержал взгляд на чемоданчике и сказал:

– Понятно. В шлюз?

– Нет, я хочу найти капитана. И расторгнуть контракт. Я ведь имею на это право? – спросил я.

Старпом кивнул:

– Идем...

Но привел он меня не к капитану, а в какое-то нежилое помещение. Уселся перед экраном, включил компьютер. Скомандовал:

– Данные по контракту расчетного модуля Тиккирея.

На экране появился мой контракт.

– Ты вправе прервать контракт и сойти на любой планете, – сказал старпом. – Это – закон. Мы обязаны выплатить тебе заработанную за данный полет сумму. Это... – он наклонился к экрану, – это тысяча тридцать восемь кредитов.

Ого!

Я молчал.

– Разумеется, питание и работа систем твоего жизнеобеспечения оплачиваются отдельно, поскольку ты прерываешь контракт до истечения срока... – сухо добавил старпом. – Так что... отними шестьсот четыре кредита.

– Так много? – удивился я.

– Так много. Потому что твоё питание и твою кровать требуется волочить в пространстве вместе с тобой. И даже по минимальным внутренним расценкам флота это составляет изрядную сумму. Будешь спорить?

– Нет, – сказал я. Все было честно.

– Остается четыреста тридцать четыре кредита, – сказал старпом. – Теперь – страховка.

– Да не надо, – попросил я. Что-то непорядочное было в том, что я воспользовался «Клязьмой» как транспортным средством да еще и тяну с них немалые деньги.

– К сожалению, надо, – сказал старпом. – Ты застрахован на триста пятьдесят тысяч кредитов. Как положено. Страховой взнос составил сто семнадцать тысяч. Теперь, как ты понимаешь, страховка прервана. Страховой взнос назад не возвращается. Сто семнадцать тысяч минус четыреста тридцать четыре кредита...

Он развернулся в кресле и посмотрел на меня.

Я понял. У меня все внутри заглохло.

– Если ты прерываешь контракт, Тиккирей, то вначале придется урегулировать финансовый вопрос. Думаю, шестьдесят – семьдесят рейсов позволят это сделать. Наверное, года через два ты сможешь покинуть корабль.

– Это есть в контракте? – тихо спросил я.

– Конечно. Показать?

– Не надо. Я помню... я не думал, что страховка такая дорогая...

Старпом упер руки в колени, наклонился вперед и зло сказал:

– Тиккирей, ты думаешь, что только тебе, такому умному, пришла в голову идея – наняться на корабль и сойти на первой же попавшейся планете? Да если бы наш корабль летел в рай, а сделал остановку в аду, и то нашелся бы желающий смыться! Именно поэтому, Тиккирей, сумма страхового полиса столь велика. Чтобы экипажу не приходилось дергаться, выискивая мозги в каждом космопорте. Нанялся – работай! Мы ведь предупреждали тебя?

Я даже не заметил, что стал плакать.

– Ну, что ты выбираешь? Прервать контракт и получить право уйти через два года нищим или отработать пять лет и заработать свою треть миллиона?

Он был зол, чертовски зол на меня, самодовольного дурачка, который мешает ему сойти с корабля, развлечься, потратить в баре свои честно заработанные деньги.

Но я же смотрел контракт! Там кое-что было запутано, про некоторые вещи сказано мельком, но...

Сев на пол, я уткнулся лицом в колени. Два года – это конец. Я столько не выдержу. Уж пять лет – точно. Я не стану идиотом, но мне все будет безразлично. Кормят, поят, позволяют гадить под себя... и хорошо...

– Мы предупреждали тебя или нет? – рявкнул старпом.

– Предупреждали... – прошептал я.

Он сгреб меня с пола, усадил себе на колени, разжал рот и ткнул в зубы горлышко металлической фляжки:

– Пей! Истерику тут устраиваешь, словно визгливая баба...

Я глотнул обжигающую жидкость. Закашлялся.

– Это коньяк, – объяснил старпом. – И что ты собирался делать на этой планете, Тиккирей?

– Жить... – прошептал я.

– Жить? Как?

– У меня же есть имперское гражданство...

– Что с того? Ты думаешь, легко человеку выжить в незнакомом мире? Тем более – подростку? Тем более – без денег? Получил бы ты свои жалкие четыре сотни, и что с того? Это на вашей планете сто кредиток – деньги. В нормальном развитом мире ты и неделю на них не протянешь!

Он резко толкнул меня:

– Вон та дверь... умойся.

И, повернувшись к экрану, зло процедил:

– Служебный доступ. Аннулировать контракт расчетного модуля Тиккирея. Оформление страховки не производить.

Я смотрел на него, размазывая слезы.

– Не оформляли мы на тебя страховой полис. – Старпом сидел ко мне спиной, и только побагровевший коротко стриженный затылок выражал его эмоции. – Понятно было, для чего ты нанялся. Только Антон на тебя ставил, был уверен, что ты отработаешь пять лет и сохранишь волю...

– Значит, вы нарушили закон! – воскликнул я.

– Тебе-то какое дело? Что ты стоишь? Умывайся и уходи!

– Куда?

– Куда? – Вот теперь старпом по-настоящему заорал: – А куда ты хотел? На планету! Новый Кувейт, имперская колония, стандартный законодательный ряд, ускоренная процедура получения вида на жительство, уровень комфортности среды – сто четыре процента! Мы тебя отключили только через два скачка, и знаешь почему? Потому что были уверены: ты хочешь сойти на первой же планете! Даже не узнав, что это за планета! А там, куда мы отвозим руду, клоака похуже вашей каторги!

– Почему каторги?.. – прошептал я.

– Потому что Карьер развивался как каторжная планета. Обитатели куполов – потомки охранников. Умойся и проваливай!

Я умылся. Я долго плескал в лицо холодной водой, стараясь не растерять покрасневшие глаза. Вытерся и вышел. Старпом сидел за экраном и играл в шахматы. Очень быстро, через шунт, фигуры так и прыгали по экрану.

– Вот твои деньги, – сказал он. – Четыреста тридцать четыре кредита.

На столе лежали семь бумажек и четыре монетки.

– Я... мог бы выдержать пять лет? – спросил я.

– Никто не может выдержать пять лет без потерь, Антон – наивный оптимист! Лет десять после этого ты учился бы принимать решения. Даже выбор из трех сортов... лимонада... стал бы для тебя мучительной проблемой. Бери деньги, потом зайди к Антону и убирайся вон! Медицинский сектор на два яруса ниже, указатели стандартные.

Он так и не обернулся.

Мне хотелось сказать ему «спасибо». Или обнять и разреваться снова, потому что еще никто и никогда не давал мне такого полезного урока.

Но мне было слишком стыдно. Даже для того, чтобы сказать «спасибо». Я взял со стола деньги, подхватил чемоданчик, отошел к двери и, уже выскальзывая в коридор, прошептал:

– Простите меня...

Я даже не знал, услышал он или нет.

В коридоре было пусто и тихо. Каковы здесь «стандартные указатели», я не знал, старпом переоценивал мои знания о космосе. Наверное, из-за удачной фразы о «маршевых двигателях». Вот что, например, значит синяя стрелка, перечеркнутая красным зигзагом? Или фигурка человека с раскинутыми руками в желтом круге?

Конечно, я мог войти в лифт, спуститься на два яруса и поискать медицинский сектор. Вот только смотреть в глаза Антону, единственному, кто посчитал меня честным простаком, а не глупым обманщиком, не хотелось.

И я торопливо пошел к шлюзу. Если уровень комфортности планеты больше пятидесяти процентов, значит, на поверхности можно выжить без специальных средств защиты, это я помнил с уроков естествознания. А здесь – сто четыре процента. Значит, Новый Кувейт даже лучше Земли.

Лифтовая площадка оказалась наверху. Я вошел, коснулся сенсора с обращенной вниз стрелкой, и лифт начал спускаться.

Моя третья планета – ведь та, где меня не разбудили, тоже считается, пусть я и не выходил из корабля, а пролежал в потоковом режиме – ждала меня.

Глава 3

Несколько минут я просто стоял под брюхом корабля, глядя в небо. Так, чтобы корабль немножко меня от него закрывал. Было чуть-чуть не по себе.

Здесь не было купола. И у меня не было респиратора на лице. Я мог дышать и смотреть в небо просто так.

Небо оказалось густо-синего цвета, солнце – желтое. Наверное, ночью в нем будут тысячи звезд, как в фильмах про Землю. Воздух пах словно в оранжерее – и это при том, что вокруг не было никаких деревьев, только бетонные плиты и стоящие на них корабли. И грузовые, и поменьше, и военные корабли. Кажется, даже несколько чужих кораблей, но они стояли так далеко, что я не был уверен.

Километрах в трех золотились здания космопорта. Красивые купола, башни, все из золотистого металла, прозрачного стекла, белого камня. Не так, как у нас, где все здания были похожими, из стандартных блоков.

Я смотрел на космопорт и потихоньку начинал забывать свой позор.

Да, мне повезло. Потому что люди все-таки в большинстве своем хорошие. И у нас, и на других планетах. А еще у меня в кармане деньги, карточка имперского паспорта, а на Новом Кувейте упрощенная процедура получения вида на жительство.

Перехватив чемоданчик поудобнее, я двинулся напрямик к космопорту.

Идти было легко, казалось, что земля упруго подталкивает меня в подошвы. Наверное, здесь гравитация земная или даже меньше. А у нас, на Карьере, – одна целая две десятые стандартной единицы.

Временами я даже начинал бежать. От восторга. Проехал мимо огромный, больше карьерного самосвала, контейнеровоз. Смуглый длинноволосый парень, высунувшись из кабины водителя, что-то крикнул мне.

Я помахал ему рукой.

К космопорту я подошел, как раз когда к огромным раздвижным дверям подъехало несколько автобусов с пассажирами. Галдящая толпа – почти все говорили не на лингве, а на каком-то жутко искаженном варианте английского – высыпала из автобусов. Несколько пассажиров тащили за собой симпатичные цилиндрические контейнеры на гравиподвеске – жен, или дочерей, или секретарш, еще не вышедших из анабиоза... Меня несколько раз толкнули, рассыпаясь в извинениях. Я тоже кого-то задел чемоданом и извинился.

Никаких сложностей и проверок не было. Толпа разбилась на десяток коротких очередей, быстро проходивших через смотровые воротца. Я пристроился в одну из групп, как и все достав карточку паспорта. Сканер мигнул зеленым, и я вышел в таможенный зал. Огромный – здесь будто не признавали маленьких помещений, с хрустальными люстрами под потолком, с двумя десятками людей в темно-зеленой форме. Опять образовались короткие очереди.

– Оружие, наркотики, боевые импланты, потенциально опасные программные продукты, предметы двойного назначения? – спросила меня с улыбкой молодая женщина-таможенник.

– Нет, ничего.

– Добро пожаловать на Новый Кувейт.

И я вышел в зал космопорта. От впечатлений кружилась голова. Здесь были тысячи людей – часть в униформе, видимо, сотрудники, остальные – пассажиры. Ярко одетые, возбужденные, торопливые.

Мне надо было немного успокоиться. Прежде всего я собирался перекусить. Разумеется, не в ресторане, но должно же быть какое-нибудь заведение попроще.

Пришлось побродить по зданию, прежде чем на цокольном этаже я обнаружил маленькое кафе, ценники в котором не вызывали оторопь. Здесь в основном собирался обслуживающий

персонал, на меня глянули с удивлением, но ничего не сказали. Я взял бифштекс с яйцом, стакан сока – он назывался яблочным, но был почему-то синеватого цвета, отошел к одному из столиков. Там стояли двое охранников – с оружием на поясе, с включенными переговорниками, из которых доносились какие-то отрывистые реплики. На меня они внимания не обратили, увлеченные разговором:

– Не было там никого и быть не могло. Водителю надо пройти тест на наркотики.

– Мало ли идиотов?

– Идти три километра по полю пешком? А куда он потом испарился?

Рафии у охранников синхронно издали шелкающий звук, кто-то что-то отрывисто приказал на незнакомом гортанном языке. Оставив недоеденные гамбургеры, они вышли из кафе. Я застыл со стаканом в руках.

Речь шла обо мне. Не положено было идти по взлетному полю. Стоило мне хоть немного пошевелить мозгами, и я бы это понял... там, где я весело шагал, помахивая чемоданчиком, мог в любую секунду приземлиться корабль.

Разумеется, никто не стал бы рисковать, выполняя маневр у самой поверхности. Меня бы размазало по бетону.

Идиот...

Бифштекс не лез в горло. Я все-таки торопливо прожевал еду, запил соком – кислый... и быстро вышел из кафе. Может быть, охрана поищет меня да и бросит, решив, что водителю контейнеровоза померещилось. А может быть, сообразят, что я случайно прибил к туристам с другого корабля.

Из космопорта надо было убираться, да поживее!

Здесь наверняка имелся какой-то общественный транспорт. Автобусы или рельсовая дорога. Но я был в такой панике, что отправился к стоянке такси. Сотня ярко-оранжевых колесных такси вытянулась вдоль посадочного пандуса, небольшая очередь чинно расплзлась по очередным машинам. В сторонке была и флаерная стоянка, но туда я пойти не рискнул. Наверняка гораздо дороже. Я пристроился в хвост и через несколько минут заглянул в окошко.

Водитель был человек светлокожий и улыбочивый.

– Мне в город, в гостиницу... – пробормотал я.

– Садись. – На лингве он говорил с акцентом, но, кажется, не с таким, как местные жители.

– А сколько это будет стоить...

– Садись же!

Я понял, что задерживаю очередь, и забрался на заднее сиденье. Машина стала выкручивать на трассу. Обернувшись, я посмотрел на купола космопорта. Вырвался...

– Так куда тебя, мальчик?

– Мне нужна гостиница, – быстро сказал я. – Хорошая, но подешевле.

– Что главное? – серьезно спросил водитель.

– Подешевле...

– Понятно. Тогда тебе не стоит соваться в Аграбад. Новый Кувейт – дорогая планета, ну а столица – тем более. Есть несколько мотелей вокруг космопорта, там цены умеренные. В них останавливаются те, кто ожидает получения вида на жительство, к примеру. Народ тихий, им конфликты с властью совсем не нужны.

– Вот это точно по мне.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Ты откуда, парень?

– Карьер.

– Это планета так называется?

– Угу.

– Ну и названьице...

Машина ехала по широкой, рядов в восемь, дороге. И все равно движение было напряженным. По обеим сторонам дороги тянулись зеленые луга, по-моему, даже не засеянные ничем полезным, просто так, сами по себе растущие. Как в кино!

– Хочешь получить гражданство? – спросил водитель.

– Да.

– Это возможно, – согласился он. – Я... тоже не отсюда. Эль-Гуэсс... слышал?

– Нет, – признался я.

– Тоже дыра. Наверное, как твой Карьер... Значит, так. Сейчас у тебя обычная туристическая виза с неограниченным сроком, верно?

– Д-да... наверное.

– Чтобы получить право работать, тебе нужен вид на жительство. Поселишься в мотеле, скачай себе закон об иммиграции. В принципе, если ты не нарушал закон, молод, имеешь приличный нейрошунт и согласен сделать себе обрезание...

– Что?

– Не знаешь, что это такое?

– Знаю, но зачем?

– Я вот тоже размышлял, – водитель засмеялся, – зачем? Но потом плюнул и согласился.

Поверь, это не мешает личной жизни.

Я улыбнулся, но мне стало как-то не по себе. Что за глупости!

– Скажите, а какой здесь социальный пай?

– Что? – Мы попеременно удивляли друг друга.

– Плата за жизнеобеспечение. За воздух...

Он покачал головой:

– Дыши в свое удовольствие. Здесь такого нет. Хреновая же у тебя родина, верно?

Я пожал плечами.

– Так вот, прочти закон, разберись во всем, осмотришь – как живут люди. Если тебе все понравится, подавай заявку на гражданство. Через полгода-год получишь вид на жительство. Полные гражданские права приобретешь после вступления в брак, или рождения ребенка, или усыновления гражданина планеты, или после усыновления тебя кем-либо из граждан. – Он снова засмеялся. – Это, пожалуй, вероятнее?

– А сколько надо иметь денег, чтобы прожить здесь полгода? – спросил я.

– Ну... по минимуму? Крыша над головой... двадцать монет в день в мотеле. Питание – столько же. Считаю сам.

Я уже посчитал. И мне не понравилось.

– А работа? Работу найти легко?

– Можно, – обнадежил меня водитель. – Планета богатая и до конца еще не освоенная.

Так что получишь вид на жительство – и вперед.

– А без вида на жительство?

– И не думай! Поймают на том, что работаешь – хотя бы просто за еду или жилье, – немедленно выставят с планеты.

Наверное, мое лицо все выразило сразу.

– Беда? – спросил водитель.

Я кивнул.

– Может быть, ты имеешь артистическое дарование, или замечательный голос, или паранормальные способности? Тогда процедуру ускорят.

Он не издевался, он серьезно пытался мне помочь.

– Нет...

Водитель вздохнул:

– Да, влип ты. А вернуться на свою планету и заработать достаточно денег?

– На нашей планете с работой плохо, – сказал я. – И если человек в неделю получает двадцать кредитов, это хорошие деньги.

– У... – Водитель покачал головой и замолчал.

– У нас очень развитая система социальной защиты! – попытался объяснить я. – Денег платят мало, зато питание, одежда, всякие вещи – они распределяются бесплатно...

– Замечательная версия рабовладельческого общества, – изрек водитель. – Хитро придумали. Как ты еще на билет деньги скопил...

– Я летел расчетным модулем.

Машина вильнула, а глаза у водителя округлились.

– Чего? Пацан, ты не врешь?

– Я недолго летал. Всего два гиперя. Так что у меня с мозгами все нормально.

– И что? Ты сбежал?

– Нет, мне разрешили прервать контракт.

Водитель присвистнул:

– Тебе попались очень хорошие люди. Считаю, что выиграл в имперскую лотерею. Один шанс из тысячи.

– Один из двадцати... – машинально поправил я.

– Ну да, из двадцати, если ты бессмертный. Выигрывает каждый двадцатый билет имперской лотереи, но каждый билет действителен пять тысяч лет. Считаю сам, сколько у тебя шансов за сто лет.

Я замолчал.

– Вот неплохой мотель, – сообщил водитель, сворачивая. – То, что тебе нужно. Двадцать четыре кредита.

О цене я не спорил, конечно. Отсчитал ровно двадцать четыре.

– На самом деле положено еще давать чаевые – десять процентов от суммы, – объяснил водитель. – Но с тебя я их брать не стану, учитывая тяжесть ситуации. Все мы люди...

– Я влип, да? – спросил я.

– Похоже, приятель. Удачи тебе!

Выбравшись из такси, я постоял, пытаюсь собраться с мыслями. Может быть, не идти в мотель? Жить где-нибудь в лесах, как в приключенческих книжках. Тратить деньги только на самую дешевую еду...

Но я не знал, как выжить в лесу. У нас, на Карьере, их вообще нет.

И я двинулся к мотелю.

Больше всего он походил на наш общественный парк. Только среди деревьев были разбросаны маленькие домики, а кое-где – машины с жилыми прицепами или фургончики. Несколько зданий было поосновательнее и побольше, наверное, кафе и административные помещения.

Первым, кого я встретил в мотеле, был не-человек.

Вначале я этого даже не понял. Мне показалось, что навстречу идет подросток моего возраста. Потом я решил, что это очень низкорослый взрослый. И вежливо спросил:

– Извините, где бы я мог получить номер?

Встречный остановился. Из одежды на нем были только шорты. Ноги очень волосатые, почти поросшие мехом. Уши маленькие, глаза, наоборот, большие.

Халфлинг!

– Добрый день, человеческий ребенок, – очень чисто и мелодично произнес он. – Если ты желаешь поселиться в данном месте, тебе нужно вернуться на сорок метров назад и войти в здание с вывеской «Заселение». Находящийся там персонал ответит на все твои вопросы.

Сглотнув, я кивнул.

– Я жду, – удивленно сказал халфлинг.

– С-спасибо...

– Всегда рад помочь, – ответил халфлинг и двинулся дальше. Мне показалось, что я даже почувствовал его запах – легкий и приятный, будто от цветов.

Хотя, может быть, он пользовался одеколоном. Или это пахли настоящие цветы – их здесь было очень много, от запахов даже кружилась голова.

Выждав, пока халфлинг удалится, я опасливо последовал назад.

Заселение производила девушка, такая симпатичная и славная, что у меня даже на время развеялись все дурные мысли. Она сразу поняла, что я с другой планеты. Мы поговорили, я рассказал ей про Карьер, про то, что хочу получить вид на жительство, но у меня может не хватить денег. В результате номер я получил всего за десять кредитов в сутки. Пускай он был в самом дальнем конце мотеля, далеко от дороги, но какая разница? Еще она скачала из сети и дала мне копию закона об иммиграции, чтобы мне не пришлось тратиться на терминал в номере, ведь он был платный. И даже угостила чашкой чая.

Сама она была с Нового Кувейта, но ее отец тоже когда-то эмигрировал. С самой Земли! И хотя ей было всего двадцать два года, она уже побывала на Земле – выпускные классы в колледже обязательно возили на Землю, Эдем или Авалон, по выбору. По поводу того, что лететь пришлось в анабиозе, девушка ничуть не комплексовала. И впрямь, что интересного в двухнедельном полете через гиперпространство? У них даже некоторые мальчишки легли в анабиоз, чтобы не тратить зря времени и побыстрее увидеть Землю. А на родине человечества она побывала и в Лондоне, и в Каире, и в Иерусалиме, и в Житомире – в общем, во всех прославленных исторических местах. А потом она с бабушкой три дня пробыла в одесской сельве, охотилась на львов. Сельва не любит чужих, так что приключений хватало.

Наверное, я бы с ней несколько часов просидел, так было интересно. Но тут вошел новый гость, который хотел заселиться, какой-то длинноволосый урод, и пришлось уходить. Мне выдали ключ и проспект мотеля с подробной картой, так что домик свой я нашел без труда.

В домике было здорово.

Хорошая деревянная кровать с чистым бельем, стол, два стула и два кресла, небольшой видеоскрин – он был бесплатный, и я его сразу включил на местный канал новостей. В большое окно был виден почти весь мотель – домик стоял на холме. Сразу за домиком начиналась ограда, за ней – поля, а дальше уже виднелись небоскребы столицы. Я распахнул окно, постоял, улыбаясь и глубоко дыша. Воздух пах очень сладко.

Ну не может быть, чтобы я чего-нибудь не придумал!

Я ведь и впрямь сумел улететь на другую планету. И при этом не превратиться в зомби. И у меня есть крыша над головой и немного денег.

Усевшись за стол, я принялся читать закон об иммиграции.

Все в законе было очень разумно и правильно. И в общем-то я по всему подходил – я был молодым, мужского пола, законов не нарушал... ну разве что прошелся по взлетно-посадочному полю, но меня ведь не поймали... Конечно, было не по себе от того, что придется делать обрезание «в знак уважения культурных и исторических традиций народа», но если надо... А еще тут разрешалось иметь трех жен. Я слышал, что на многих планетах это принято, но раньше думал об этом как-то абстрактно. Теперь же получалось, что когда я вырасту, то смогу завести трех жен. Странно как-то, если подумать. Ну если бы у папы было три жены, как бы я их звал? Тети? Да и у отца проблем, наверное, было бы выше головы. Если сделать подарок одной жене, то другие обидятся...

Потом я прочитал, что только сорок процентов населения имеют больше одной жены, и успокоился.

Через час я заполнил все бумаги, включил терминал и переслал прошение о гражданстве в министерство по делам миграций Нового Кувейта. В месте, отведенном для особых заметок,

я написал, что у меня очень мало денег и я прошу «по возможности быстрее рассмотреть мой вопрос». Фраза получилась хорошая, честная и гордая. Я как бы и не жаловался, но просто объяснял ситуацию.

Терминал выдал мне квитанцию, подтверждающую, что запрос принят и будет рассмотрен «в установленные законом сроки». Также было написано, что до решения вопроса я могу пользоваться своими правами туриста, но не имею права работать «в легальном или подпольном бизнесе Нового Кувейта».

Потом я завалился на кровать и стал смотреть новости. В основном они были про жизнь на планете и очень интересные. Например, про визит султана на какой-то «северный архипелаг», где планируется построить грандиозный энергокомплекс. Показывали заснеженные острова, холодное темное море, самого султана – вовсе не старого и с умным честным лицом. Я смотрел новости минут тридцать и понял, что Новый Кувейт – и впрямь шикарная планета. На ней были и джунгли, причем не очень опасные, моря и океаны, пустыни и леса. Не то что у нас, где уровень комфортности – пятьдесят один процент. Еще показали торжественное закрытие фестиваля хип-хопа, проводившегося в Аграбаде: на открытой сцене перед роскошным дворцом прыгали девчонки и что-то пели. Вокруг полыхала цветастая голографическая иллюминация, зрители били в ладоши и подпевали.

Были и галактические новости. Про то, что какая-то планета под названием Иней наращивает свой военный флот сверх всех разрешенных Империей норм и пора бы вмешаться земной администрации и самому Императору. Про галактические гонки, на которых, ясное дело, побеждает экипаж халфлингов, но вот за второе место борется лучшая яхта Авалона «Камелот» и несколько чужих кораблей. Про эпидемию язвенной чумы, разразившуюся в какой-то маленькой колонии. Показали корабли санитарного кордона Империи, блокировавшие планету и не дающие жителям улетать – потому что никакого лечения от язвенной чумы пока не выработали, а болезнь эта смертельная, заразная и может поражать и людей, и почти все расы Чужих. Когда на экране пошли съемки с планеты – переполненные больницы, перепуганные врачи в герметичных скафандрах, больные, покрытые язвами: вначале просто красная сыпь, потом волдыри, а потом тело начинает разваливаться, – я выключил экран. Гадость какая... я с детства боялся заболеть чем-нибудь страшным и неизлечимым. Конечно, от любой болезни можно найти лекарства, но иногда на это нужно несколько лет, и тогда вымирают целые планеты. О таком даже думать не хотелось, тем более что мне сразу показалось, что у меня тоже чешется кожа, а это – первый признак чумы.

Так что я закрыл домик и вышел прогуляться. Делать было все равно нечего, а мне хотелось посмотреть на Чужих. Ведь если здесь есть халфлинги, то могут оказаться и другие инопланетяне?

Но я никого не увидел, кроме людей. Начинало темнеть, и кемпинг сразу стал оживать. У многих машин и домиков зажгли костры или переносные плитки, стали готовить еду. Наверняка люди могли пообедать и в ресторане, но ведь самому готовить интереснее. У меня никаких продуктов не было, так что я все-таки пошел в ресторанчик, заказал себе мясной суп, овощное рагу и апельсиновый сок. В углу ресторана негромко играл на гитаре молодой парень, временами официантка приносила ему бокал вина, он пил и начинал играть снова. В общем, было здорово. Просто праздник какой-то!

Вот только у меня все сильнее зудела спина. Это все моя глупая мнительность – где бы я мог заразиться чумой? – но было очень неприятно.

Так что я допил свой сок и пошел спать.

В небе уже горели звезды – очень яркие и красивые, ведь им не мешал никакой купол. Я шел задрав голову, пытаюсь найти знакомые созвездия, но так и не смог сориентироваться.

Как все-таки здорово, что я прилетел сюда!

И какие хорошие люди – экипаж «Клязьмы»!

Когда я разбогатею, я обязательно их разыщу. Они ведь летают между разными планетами, прилетят и к нам, на Новый Кувейт. Я приглашу их всех в самый лучший ресторан и поблагодарю за то, что они для меня сделали.

Проснулся я под утро.

У меня жутко чесались спина и руки, а в носу хлюпало, будто я простудился. С минуту я лежал под одеялом, пытаюсь уверить себя, что это глупые фантазии. Но мне становилось все страшнее и страшнее.

Тогда я встал, включил свет и забежал в ванную, где было большое зеркало.

Руки и живот у меня были покрыты мелкой красной сыпью.

А на спине, когда я, обмирая от ужаса, повернулся, сыпь слилась в крупные красные пятна.

Точь-в-точь как в передаче.

– Нет! – закричал я. Мне даже захотелось ущипнуть себя – вдруг мне это снится?

Но я был уверен, что не сплю.

Язвенная чума.

Не лечится!

Двое суток у меня будут эти пятна, нестерпимый зуд, насморк и резь в глазах. Кстати – глаза уже жгло, будто в них сыпанули песка... Потом сыпь превратится в волдыри и я стану заразным. А еще через три дня умру.

Но я же не мог заразиться чумой! Не мог!

Та планета, где эпидемия, она очень далеко от Карьера!

Или...

Я вдруг подумал, что «Клязьма» вполне могла отвезти нашу руду именно туда. И пусть я лежал в «бутылке», но разве это помеха для заразы? А еще тот парень-расчетчик, Кеол, он чесал живот! Вдруг я заразился от него? Или от старпома? У всех ведь болезнь протекает по-разному, у меня могла быстрее начаться.

Значит, мои друзья с «Клязьмы» уже мертвы. Хорошо, если они успели улететь с Нового Кувейта, тогда их не задержат, не узнают про меня, не станут искать...

Или лучше, чтобы меня нашли?

Меня ведь наверняка немедленно доставят в больницу. Поместят в герметичную камеру, будут лечить... хотя вылечить – невозможно. Там, в камере, я и умру. Это точно, и ничего тут не поделаешь.

Теперь я знал, что чувствовали мои родители, воспользовавшись своим правом на смерть. Вроде бы ты еще живой, но уже точно знаешь, когда и как умрешь. И это было ужасно. Я весь вспотел, то ли от болезни, то ли от страха. Даже босые ноги стали скользить по гладким плиткам пола. Я забрался в душевую кабинку, пустил воду и сел на корточки. Холодные струи барабанили по спине, и от этого она вроде бы переставала чесаться...

Не хочу я умирать!

Тем более сейчас, когда все так здорово сложилось! Когда я попал на такую планету, лучше которой нет во всей Вселенной! Когда у меня даже появилась хорошая знакомая! Когда мою заявку на гражданство приняли к рассмотрению!

Ну почему все так? Почему?

Разве я в чем-то виноват? Если бы родителям повезло с работой, они бы не умерли. Если бы они не умерли, я бы не нанялся расчетным модулем! Я ведь никогда никому не делал ничего плохого. Ну, чтобы по-настоящему плохого, разбитый нос или запущенный в чужую планшетку вирус вряд ли считаются...

Я долго так просидел, пока совсем не замерз. Потом вылез и снова посмотрел на себя в зеркало, будто вода могла смыть сыпь.

Никуда она не делась, конечно. Даже ярче стала, потому что кожа у меня побледнела от холода.

Я умру. И еще заражу всех вокруг себя. Потому что не хочу я вызывать врачей, не хочу, чтобы меня упрятали в герметичную камеру, я ведь всю жизнь прожил под куполом, я две недели лежал в «бутылке»! Не хочу!

...А если на Новом Кувейте кто-то выживет, то меня будут проклинять тысячи лет. Как трусливого и глупого ребенка, который заразился сам, а потом еще заразил других.

Умрут и самодовольный халфлинг, и не взявший с меня чаевых водитель такси, и упустившие меня охранники в космопорту, и девушка, у которой отец был с Земли, и парень, который вечером так здорово играл на гитаре...

Все из-за меня.

Мои родители ведь тоже хотели жить. И они могли уйти из купола вместе со мной, и мы бы прожили еще года два или три. Вот только для них было главным, чтобы я жил долго и счастливо. Поэтому они и пожертвовали собой.

А теперь окажется, что из-за их жертвы умрет целая планета.

Потому что я – трус и эгоист. Я даже не хочу вызвать врача, не хочу умирать в клетке...

Я кое-как вытерся, очень осторожно, потому что кожа зудела невыносимо. Натянул джинсы и сел к терминалу. Включил связь и стал искать в списке услуг мотеля вызов врача.

Врача тут не было. Надо было связываться с городской службой, но это почему-то было уж совсем страшно.

Тогда я посмотрел список обитателей мотеля, тех, кто предоставил свои открытые данные. Тут был и халфлинг – у него оказалось жутко сложное и длинное имя, и какая-то семья «князей Петровых», и туристы, и коммивояжеры, и спортсмены, приехавшие на какие-то студенческие соревнования по квадроболу. Врачей не было.

Но зато был какой-то человек по имени Стась, у которого в графе «профессия» значилось «капитан».

Пожалуй, капитан должен понять всю опасность ситуации.

Я набрал его номер. Времени было пять утра, за окном еще совсем темно, но какая теперь разница...

Ответил капитан быстро. На экране появилась полутемная комната, похожая на мою, и светловолосый человек лет сорока. Он чем-то походил на отца Глеба. Увидев меня, капитан нахмурился и произнес:

– Это что за шалости?

– Вы капитан Стась? – спросил я.

– Да.

Лицо его сразу посерьезнело, видимо, он понял, что я позвонил не случайно и не для дурацкой шутки.

– Меня зовут Тиккирей. Я живу в том же мотеле, что и вы. В сто четырнадцатом домике.

– Вижу, – сказал капитан. – Что дальше?

– Вы... вы могли бы мне помочь?

– Мог бы. Что случилось?

Казалось, он все-таки не уверен, что у меня есть серьезная причина будить его в такую рань, и сдерживается только из вежливости. Может быть, поэтому я выпалил сразу:

– Капитан Стась, у меня язвенная чума. Вы ведь знаете, что надо делать.

– Что за бред ты несешь, Тиккирей? – резко спросил капитан.

– Это не бред! – крикнул я, вскочил и отошел, чтобы он увидел красные пятна на моем теле. – У меня язвенная чума! Это очень опасно!

– Откуда ты? – после секундной паузы спросил капитан.

– С Карьера. Это планета, где добывают руду, я улетел с нее расчетным модулем на грузовом корабле «Клязьма», потом мы делали где-то остановку, но я там не выходил, а здесь сошел, мне разрешили прервать контракт, но мы, наверное, залетали на ту планету, где эпидемия...

– Прервись на секунду, – очень спокойно произнес Стась. – Подойди к экрану и посмотри в камеру. Приблизь к ней лицо.

Я так и сделал.

– Сиди в своем домике и никуда не выходи, – сказал Стась после паузы. – Я сейчас подойду к тебе. Понял?

– Это очень заразно, – сказал я.

– Да уж догадываюсь. Сиди на месте.

Глава 4

Капитан пришел минут через пять. Дверь я открыл заранее, и когда пискнул зуммер, громко крикнул:

– Войдите!

Я думал, что он наденет скафандр, но капитан Стась был в обычной, даже не форменной одежде – в джинсах и рубашке. Только на поясе у него висела кобура с пистолетом.

– Встань, Тиккирей, – стоя у двери, сказал Стась.

Я поднялся.

– Повернись спиной. Хорошо. Садись...

Совершенно спокойно он подошел ко мне, взял за подбородок, запрокинул голову, внимательно посмотрел в глаза. Спросил:

– Насморк сильный?

– Да...

– Скажи мне, Тиккирей, ты побывал у вашего врача перед тем, как сойти с корабля?

– Нет.

– Какой же ты глупый мальчишка... – сказал Стась и засмеялся. Никогда не думал, что среди капитанов бывают такие садисты! Он хохотал прямо в лицо мне, умирающему от чумы! – Это уму непостижимо. Марш в кровать!

Я ничего не мог понять. А Стась достал из кармана маленькую коробочку, вытащил из нее разовый шприц, уже наполненный раствором, и повторил:

– Ложись и снимай штаны.

– Язвенная чума не лечится... – прошептал я.

– Да нет у тебя никакой чумы! – Он легко приподнял меня и толкнул к кровати. – Давай. Если стесняешься, то подставляй руку, но будет больнее.

– Что вы мне хотите уколоть?

– Иммуномодулятор.

Спорить со мной ему явно надоело, так что он заставил меня лечь, приспустить джинсы и с размаху всадил шприц. Я ойкнул.

– Немного пожжет, но тут ничего не поделаешь, – надавив на поршень, сказал Стась. – Считай это расплатой за собственную глупость.

– А что со мной?

– Аллергия. Самая обыкновенная аллергия на новую планету. Чудак человек, ты что, книжек не читал, кино не смотрел, а уроки прогуливал? Перед выходом на любую новую планету, будь она хоть раем... кстати, если раем – особенно, там зелени много... надо принять иммуномодулятор. Тут ведь пыльца, пыль, споры, семена, частицы чужой биосферы – твоя иммунная система сходит с ума, понимаешь?

Какой же я debil!

Уткнувшись лицом в подушку, я поддернул вверх джинсы и затих. Больше всего на свете мне сейчас хотелось, чтобы капитан Стась ушел. Пусть даже я умру от этой дурацкой аллергии.

Но капитан не уходил.

– Стыдно? – спросил он.

Я невольно кивнул, хотя когда лежишь, зарывшись головой в подушку, это трудно.

– Ладно, со всяким бывает, – сказал капитан. – В одном историческом романе я читал о почти таком же случае – только там взрослый человек наелся клубники и покрылся аллергической сыпью, а заподозрил себя в спонтанной условно-положительной мутации... Кстати, ты вполне мог умереть. Если бы потянул еще немного и довел дело до отека легких или анафилактического шока. Неприятно, верно? Из-за какой-то дурацкой пыльцы и пыли!

– Простите меня... – прошептал я.

– Лучше расскажи, как ты дошел до жизни такой, Тиккирей с корабля «Клязьма».

– Я не с «Клязьмы», я там всего две недели летал.

– Расчетным модулем, ты уже говорил. Рассказывай, как ты в это вляпался и как сумел выбраться.

Я сел на кровати. Укол, честно говоря, побаливал изрядно, но я терпел. Капитан Стась с улыбкой смотрел на меня.

Может, это все умеют чувствовать, а может, только некоторые, но вот я всегда знал: человеку со мной по-настоящему интересно или он общается из вежливости. Наша учительница по психологии, с ней, кстати, всегда было интересно, говорила, что это компенсаторно-защитная способность детской психики – чувствовать настроение собеседника. С возрастом почти у всех проходит.

Капитану Стасю было интересно. Вот капитан «Клязьмы», которого я даже по имени не знал, тоже сделал бы мне укол, чтобы спасти, а потом ушел бы. Старпом «Клязьмы» еще и объяснил бы, в чем я не прав. Врач Антон, наверное, выслушал бы меня.

А Стась, хотя и злился немного, что я его разбудил под утро, хотел со мной поговорить.

И я стал рассказывать. С самого начала – то есть с того, как папу уволили.

Когда я объяснил Стасю про конституционное право каждого гражданина на смерть, он выругался, достал сигареты и закурил. У нас, на Карьере, мало кто курил: за это нужно платить дополнительный пай в жизнеобеспечение.

К концу моего рассказа Стась выкурил три сигареты. Похоже, мой рассказ его чем-то очень сильно задел.

– Знаешь, Тиккирей, вначале я подумал, что это ловушка, – сказал он наконец.

– Какая ловушка?

– Твой звонок. Про язвенную чуму. Понятно было, что никакой чумы у тебя нет – зрачки не расширены, надбровных высыпаний нет... в общем – заразиться я не боялся. И с чего бы вдруг ты стал звонить незнакомому человеку?

– Я подумал, что раз вы капитан...

Стась кивнул:

– Да, конечно. Но все очень походило на ловушку или провокацию. Ладно, Тиккирей, оставим это. Похоже, я слишком устал в последние дни и пугаюсь собственной тени. Скажи, что ты собираешься делать?

Интересно, кто и зачем стал бы устраивать ловушки для капитана космического корабля? Я о таком не слышал, но спрашивать не решился.

– Буду ждать вида на жительство.

Он кивнул.

– Понимаете, – объяснил я, – если правительство Нового Кувейта и впрямь заинтересовано в иммигрантах, то оно ведь должно подходить к каждому дифференцированно? Верно? А я молодой, здоровый, у меня хороший нейрошунт...

– Что у тебя?

– Креатив-гигабит.

– Версия чипа?

– Один ноль один.

– Ну... – Стась улыбнулся. – В вашем гадючнике... уж извини, приятель... это может считаться хорошим. Но тут богатая планета, где давно перешли на более серьезные модели. Впрочем, дело привычки. У меня тоже «Креатив», только версия один ноль четыре.

– Правда?

– Абсолютная правда. Не люблю я менять железо каждый год. Но я бы не слишком рассчитывал на ускоренное рассмотрение твоего дела, Тиккирей.

– А что мне делать, капитан Стась?

Почему-то я понял, что могу быть с ним откровенен и спрашивать совета без всякого стеснения.

– Я думаю, Тиккирей. Я бы хотел чем-то тебе помочь, но пока не знаю... как сложатся мои собственные дела. – Он улыбнулся. – Зуд прекратился?

Я с удивлением понял, что кожа и впрямь перестала чесаться.

– Ага!

– Хорошо. Мне надо сейчас уезжать, Тиккирей. Если составишь компанию, позавтракаем вместе. – Он снова улыбнулся. – Я угощаю.

Конечно, я не стал отказываться. Мне сейчас очень нужно было экономить.

Через час, когда капитан Стась уже уехал из мотеля по своим делам, я сидел в ресторане на открытой террасе с чашкой кофе и смотрел, как восходит солнце. Капитан посоветовал мне несколько дней не пить соков и не есть свежих фруктов. Конечно же, я его послушался. Тем более что чай и кофе здесь были очень вкусными.

А еще здесь не было купола над головой...

Самого восхода солнца я не увидел, мешал лес. Но все равно было очень здорово видеть, как светлеет небо, становясь из черного густо-синим, как гаснут звезды – все, кроме двух-трех самых ярких, их даже днем видно, если присмотреться.

Иногда высоко-высоко пролетали рейсовые самолеты или совсем крошечные искорки флаеров. А уж космические корабли стартовали не реже чем раз в полчаса. Мне еще никогда не было так здорово. И самое главное, я вдруг окончательно поверил, что мне всегда и всюду будут встречаться хорошие люди. Такие, как экипаж «Клязьмы» или капитан Стась. Ну неужели я не справлюсь со своими проблемами?

– Эй, с тобой можно сесть?

Я повернулся и увидел мальчишку моих лет, может, чуть постарше. Он стоял с бокалом какого-то напитка и довольно неприязненно смотрел на меня.

– Садись, конечно. – Я даже чуть подвинул свой стул, освобождая ему место у столика.

– Здесь лучшее место, чтобы смотреть на рассвет, – объяснил пацан, садясь рядом. – Ты потому тут сел?

– Да. Так это твое место?

– Мое. Ладно, сиди, я же его не покупал...

Мы настороженно смотрели друг на друга. Это со взрослыми легко почувствовать, хорошие они или плохие. А он был мой ровесник. И совсем не походил ни на кого из моих приятелей, чтобы попытаться понять, какой он по характеру. Смуглый, тощий и, наверное, с сильной азиатской кровью. Прическа у него была очень странная, набок, так чтобы нейрошунт над правым ухом был открыт. У нас, наоборот, все прикрывали шунт волосами. Одет он был в белый костюмчик, такой официальный, словно собирался сейчас отправиться куда-нибудь в театр или на собрание.

– Тебя как зовут? – спросил мальчишка.

– Тиккирей. Или Тик, или, иногда, Кир. Но это для друзей.

Он на миг задумался. Потом сказал:

– А меня Лион. Не Леон, а Лион. Понял?

– Понял.

Мы замолчали. Девушка, которая принимала заказы, поняла, что больше ничего мы брать не собираемся, и ушла в глубь ресторанчика.

– Ты местный? – спросил Лион.

– Нет, я только вчера прилетел. Я с Карьера. Это планета-рудник.

Лион сразу заулыбался:

– А я уже неделю здесь. Мы с «Обслуживания-7», это вообще не планета. Космостанция в свободном межзвездном пространстве. Там такой удобный узел гиперканалов, что решено было построить станцию! У нас ближайшая колония – это Джаббер, но до нее восемь световых.

– Ого! – воскликнул я.

– Родители решили, что пора переселяться на планету, а не жить с космиками. У меня есть еще младшая сестра и брат. Если будешь к ним задираться, я тебе рожу начищу.

– Да не собираюсь я к ним задираться!

– Я на всякий случай, – сообщил Лион. – Чтобы не получилось, что ты не знал. А у тебя есть братья и сестры?

– Нет.

– А кто твои родители? У меня отец инженер, а мать программист.

– Мои родители умерли. – Я не стал уточнять, как и почему.

– Ой, извини. – Лион сразу сменил тон. – А с кем ты здесь?

– Один.

– У тебя что, гражданство есть?

– Да, имперское.

Кажется, он мне немного позавидовал. Хотя чему тут завидовать, у нас гражданство получают сразу после того, как потребление кислорода и продуктов составляет половину взрослой пайки.

– И ты хочешь переселиться на Новый Кувейт?

– Да.

– Здорово. – Лион сунул мне руку. – Давай не будем драться, Тиккирей?

– Давай. – Я растерялся. – А надо было?

– Ну, для знакомства. У нас так принято... было принято. Но мы же на новой планете.

Мы оба заулыбались. Наверное, Лион не был драчуном, и необходимость подраться для знакомства его смущала.

– Здесь красиво, правда? – спросил он.

– Ага. У нас все живут под куполами, и атмосфера очень пыльная. Такого рассвета не бывает.

– У нас вообще солнца не было, – признался Лион. – Над станцией висел такой здоровый плазменный шар, чтобы осуществлять освещение. Но это не то. И его никогда не гасили, даже на ночь, только спектр меняли немного.

– А наше солнце очень активное, – сказал я. – Мы поэтому все немного мутированы, положительно. Чтобы выдерживать радиацию. Я выдерживаю радиационный поток в сто раз лучше обычного человека.

– У меня только общеоздоровительная мутация, обычная... – Лион скис, услышав такие новости. – И еще кости под низкую гравитацию приспособлены... Тиккирей, а ты плавать умеешь?

– Умею, конечно.

– Пошли! – Он залпом выпил свой напиток и встал. – Тут есть озеро, если пройти минут двадцать. Настоящее, природное, у него берега тиной заросли, и там живая рыба водится! Научишь меня плавать?

– Попробую...

Лион уже тащил меня за собой, тараторя без умолку:

– Я отца прошу научить меня, а он говорит, что времени нет. Только, по-моему, он сам плавать не умеет, у нас на станции было два бассейна, но оба мелкие совсем. Я тебя тоже чему-нибудь научу, хочешь? Как драться при низкой гравитации, например. Есть такая специальная борьба. А почему у тебя лицо в пятнах, это тоже мутация или болезнь?

– Это аллергия.

– А, у меня была когда-то на шоколад и апельсины. Вот гадость, да? Почему именно на шоколад и апельсины, пусть бы на цветную капусту или молоко...

К вечеру я понял, что у меня появился новый друг.

Конечно, за один день я Лиона плавать не научил, но у берега он уже держался на воде. И мы позагорали и решили сделать это место нашим общим штабом, пока будем жить в мотеле. Лион сказал, что в мотеле есть еще три семьи, ожидающие получение вида на жительство, но в одной дети совсем мелкие, в другой вообще младенец, а в третьей пацан – толстый слюнтяй, который ни с кем не хочет разговаривать и всюду таскается за своей мамочкой.

Мы похвастались друг другу шунтами – у Лиона был куда лучше, со встроенным радио-передатчиком, так что ему не нужно втыкать кабель попусту ради всякой мелочи. Но зато я рассказал, что летал на корабле расчетным модулем, и Лион совсем скис. Это было настоящее приключение, не то что прилететь вместе с мамой и папой на пассажирском корабле.

С родителями его я тоже познакомился. Кажется, они обрадовались, что мы с Лионом подружились, и очень посочувствовали, что у меня такие проблемы с получением гражданства. Мы посидели у настоящего костра, меня накормили вкусным жареным мясом прямо с огня, а потом пообещали, что через несколько дней возьмут посмотреть столицу – вместе с Лионом. Его брат и сестра оказались еще мелкими и глупыми, но их быстро уложили спать, и они почти нам не мешали.

В свой домик я пошел уже совсем поздно. Мне хотелось попросить, чтобы Лиона отпустили со мной – мы бы еще о многом поболтали, но я постеснялся.

И наверное, это было хорошо, потому что, когда я вошел в домик, на экране видеофона горел сигнал вызова.

Первая моя мысль была совсем глупой. Я решил, что министерство по делам миграций рассмотрело все-таки прошение досрочно.

Но вызывал меня капитан Стась. Когда я нажал кнопку приема, он появился на экране почти сразу. Какой-то очень подавленный и загруженный, даже недоуменно поморщился, глядя на меня. Потом спросил:

– Как самочувствие, Тиккирей?

– Спасибо, почти все прошло...

Он что, так обо мне беспокоился?

– Ты можешь сейчас подойти в мой коттедж?

Я кивнул.

– Давай, я жду.

Спать мне мигом расхотелось.

Коттедж был такой же, как у меня. Только вещей у капитана Стася имелось куда больше. К терминалу были присоединены какие-то дополнительные блоки, и они работали с какой-то информацией.

– Хорошо, что ты поправился... – все так же отвлеченно сказал Стась. – Слушай, Тиккирей, а ты хочешь подзаработать?

Я улыбнулся:

– Хочу, но мне нельзя.

– Если заплачу я, то можно. Я не являюсь гражданином Нового Кувейта, так что наши финансовые отношения не подпадают под закон.

– Правда?

– Я проконсультировался с юристом.

– Я готов! – выпалил я.

Стась погрозил мне пальцем:

– Никогда не соглашайся ни на какие, самые заманчивые предложения, не выяснив детали! Понял?

Я кивнул.

– Так вот, мне требуется, чтобы завтра с утра и до вечера ты болтался где-нибудь возле моего коттеджа. В отдалении, но так, чтобы видеть, кто к нему подходит.

– Что-то случилось?

– Да... есть у меня подозрение, что какой-то воришка пытался проникнуть в коттедж. Или проник...

Стась замолчал, задумчиво глядя на терминал. Там шли сплошные потоки цифр и мелкого текста.

– А разве у вас нет электронной охранной системы? – спросил я.

– Тиккирей... на любую электронику есть блокирующие приборы. Куда надежнее пацан, который играет неподалеку.

– А что мне делать, если кто-то...

– Ничего! Абсолютно ничего! Не вздумай поднять шум или подойти ближе. Просто смотри и запоминай, Тиккирей! Вечером расскажешь.

– Хорошо, – согласился я. Завтра мы с Лионом собирались вновь отправиться на озеро. Но... это забава, а мне очень нужны деньги.

Наверное, Лион поймет...

– Сколько вы заплатите? – на всякий случай спросил я.

– Что – сколько? А... – Стась махнул рукой. – Хорошо заплачу, не беспокойся. Так что, я могу на тебя положиться?

– Да, конечно, – сказал я. Мне казалось, что у капитана Стася какая-то фобия и он придумывает себе недоброжелателей. Но раз он за это платит...

– С девяти утра. И до вечера... возможно, я вернусь к восьми. Или к девяти. Поешь с утра получше, возьми с собой гамбургеров... на, тут немного, но...

Он протянул мне деньги. Уточнил:

– А кредитной карты у тебя нет? Я почти не ношу наличных.

– Нет. А вы не боитесь, что кредитку могут отслеживать?

Стась улыбнулся:

– Тиккирей, не считай меня параноиком. Нынешний бум бумажных денег – глупость. Куда проще завести анонимный счет в банке, чем менять отпечатки пальцев. К тому же любой нейрошунт может быть считан на расстоянии, а уж его-то ты не подделаешь. Нет, я не боюсь использовать кредитку. И тебе рекомендую завести со временем.

Немного пристыженный, я кивнул.

– Иди, Тиккирей, – велел Стась. – Выспись...

Уже в дверях меня нагнал его вопрос:

– Тиккирей... скажи-ка...

Я обернулся.

– Ты действительно решил остаться на Новом Кувейте? Не хочешь попытать счастья на другой планете? – спросил Стась.

Я удивился:

– Мне здесь очень нравится. А на новый перелет у меня денег нет. Разве Новый Кувейт – плохая планета?

– Хорошая, – кивнул Стась. – Немножко зажавшаяся, но хорошая... Ладно, не бери в голову. Спокойной ночи.

Я вышел, а он уселся к терминалу. И по-моему, тут же начисто забыл обо мне.

* * *

Лион на меня не обиделся. Ничуть. Даже наоборот, восхитился приключением.

– Крыша у него точно на месте? – деловито спросил он. – Есть такие психи, им вечно кажется, что за ними следят. Они кредитками не пользуются, в терминалах все примочки отключают...

– Он пользуется кредиткой, – буркнул я. – Нет, он странный, но не псих. Может, у него и впрямь есть враги?

– Тогда это опасно, – решил Лион. – Но интересно. Знаешь что, давай заберемся на крышу твоего домика и будем загорать. Оттуда должно быть видно. Потом пойдем в кофейню, что у ворот мотеля. Оттуда тоже можно наблюдать. А потом... потом где-нибудь еще сядем. Мы не должны торчать весь день на одном месте, тогда сразу будет понятно, что мы наблюдаем.

– Я с тобой поделю деньги, которые Стась мне даст, – пообещал я.

– Нет, сейчас не надо. Тебе сейчас деньги нужны. Если разбогатеешь, потом отдашь...

Я не спрашивал у Стася разрешения и рассказал все Лиону по своей инициативе. Но я ведь Лиону доверял и точно знал, что он никому не расскажет.

Мы купили колы и попкорна, выволокли на плоскую крышу моего коттеджа видеозэкран, чтобы было веселее, и стали загорать. У меня кожа довольно смуглая, у Лиона тоже, так что сгореть мы не боялись, но его мама все-таки дала нам какой-то специальный крем.

– Вообще тебе везет на приключения, – сидя на корточках и натирая колени кремом, сказал Лион. – Ты получил настоящее имперское гражданство, это раз. А мне еще года два ходить как придурку с детской карточкой! Потом, ты летал на корабле расчетным модулем! Это два! Ты от аллергии чуть не помер и подружился с настоящим капитаном! Это три и четыре! А сейчас ты помогаешь выследить вора. Пять!

– Выслеживать вора ты тоже помогаешь, – утешил я его.

– Это только из-за тебя, – честно признал Лион. – Здорово, что мы познакомились... правда?

– Конечно, правда!

Мы нашли по ти-ви какой-то интересный канал про разные планеты и стали смотреть его, попивая колу. Лион оживленно комментировал происходящее – пусть он тоже не бывал на этих планетах, зато жил на космостанции, куда швартовались самые разные корабли. Он всех инопланетян видел и разговаривал с ними, у него был старший приятель, который раньше служил в имперской армии, а его дядька жил на Эдеме.

– Там тоже хорошо, дядька нам видео присылал, – объяснял Лион. – Но туда уже трудно эмигрировать, у них и так рождаемость высокая. У дядьки уже шестеро детей, но ему нужно еще троих завести. Это называется заселение колонии интенсивным методом...

Я его уже не слушал. Я смотрел мимо экрана, на коттедж Стася.

К нему подошел молодой парень, секунду повозился с дверью и вошел внутрь!

– Есть... – прошептал я. – Лион, видел?

– Что? – Он аж подскочил.

– Какой-то парень в коттедж зашел! Легко так к двери подошел, будто у него есть ключ, и зашел внутрь!

– Я же вроде смотрел... – Лион раскис. – Ну я ведь смотрел! Я всегда так, если заболтаюсь, то самых интересных вещей не замечаю!

А я вдруг вспомнил, что видел этого парня. Он заселялся сразу за мной.

– Давай останемся здесь, – сказал я. – Вряд ли он долго там будет...

Но парень оставался в коттедже очень долго. Прошло полчаса, час. Лион начал поглядывать на меня, а потом спросил:

– Тебе не показалось?

Я замотал головой. Лион вздохнул и лег на спину. Конечно, ему уже надоело валяться на крыше, тем более что бандита он даже не увидел.

– Буду спать и загорать живот, – решил он. – Если будет что интересное, ты скажи.

В этот момент дверь коттеджа открылась, незванный гость вышел и быстро двинулся к густому кустарнику, высаженному вдоль главной аллеи.

– Вот он вышел, – гордо сказал я.

Лион торопливо перевернулся, завертел головой:

– Где?

– Ну вон, в кусты ныряет! – Я показал ему рукой.

– Да где, не вижу!

– Да вон же! – завопил я. – Ты что, слепой?

Бандит уже скрылся за ветками, ловко продравшись между кустами.

– По-моему, тебе голову напекло, – сказал Лион. – Точно напекло.

– Ты что, не увидел?

– Не-а. Никого.

Мы уставились друг на друга. Лион с подозрением и насмешкой, а я... я тоже с подозрением, наверное.

– Честное слово, он вышел из коттеджа! – сказал я. – Ты просто поздно повернулся, когда он уже в кусты нырнул.

– Да видел я эти кусты, никого там не было.

– Ты мне не веришь? – спросил я.

Лион помедлил. Неохотно сказал:

– Верю. Только у меня нормальное зрение. Я бы тоже увидел. Может, это был джедай?

– Кто?

– Ну, космический рыцарь, джедай. Не видел кино?

– А... – вспомнил я. – Это которые дрались мечами и умели отводить глаза? Но это же сказка.

Лион замахал руками:

– Брось, никакая не сказка! Есть такие придурки, они на Авалоне живут. Называют себя космическими рыцарями. Летают по всей Империи и борются за справедливость.

– А почему тогда они придурки?

– Ну потому, что никому они не нужны. Это у них вроде секты, понимаешь? На самом деле есть Имперский Флот, и полиция, и санитарная служба, и еще много всего, они и следят за порядком. А эти думают, что обязательно должны быть такие рыцари, которые не по службе, а за идею работают.

– И что, это джедай?

– Ну, это их так насмешливо называют, – признался Лион. – Вроде как можно назвать человека «хомо», и это будет обидно. Или халфлинга – «хоббитом». Или Цзыгу – «пчелкой». Или того, кто на станции живет, «космиком».

– Да понял я уже! И что, они умеют отводить глаза и дерутся мечами?

– Глаза вроде умеют... а про мечи не знаю, – честно ответил Лион.

– А почему тогда я его увидел?

– Ну, кому-то он сумел взгляд отвести, а кому-то нет. Может, потому, что ты мутант и радиацию хорошо переносишь.

– При чем тут радиация?

– А я знаю?

Я понял, что если уж Лион что-то придумал, то переубедить его невозможно. И что если мы продолжим спорить, то обязательно подеремся.

– Может, и так, – сказал я. – Или все-таки ты его не разглядел. Ты же лежал и смотрел вверх, а солнце тебе светило в глаза, пусть и через веки. Поэтому взгляд не сразу восстановился.

Лион подумал и согласился, что это могло быть. Но версию с джедаем тоже нельзя отметить. Только тогда выходит, что мой приятель капитан Стась – сам бандит. Потому что хоть джедаи и придурки, но честным людям они вреда не причиняют.

Чтобы не разругаться, мы оделись, слезли с крыши и пошли пить кофе со сливками. На ходу я чесал затылок. Не из-за аллергии, просто его напекло на солнце.

Глава 5

Капитан Стась слушал меня очень внимательно. И когда я признался, что караулил не один, а вместе со своим новым другом, совсем не рассердился. Но вот услышав, что Лион вора так и не заметил, нахмурился и погрузился в раздумья.

– Может быть, он джедай? – осторожно спросил я. – Этот парень...

– Какой еще джедай? – пробормотал Стась, погруженный в свои мысли.

– Ну, есть такая секта на Авалоне...

Капитан Стась поморщился.

– Тиккирей, во-первых, называть их джедаями не стоит. Джедаи – сказочные персонажи из мифологии периода раннего освоения космоса. Некоторые термины того времени прижились, например – Чужие. Но к джедаям из сказок Рыцари Авалона, фаги, не имеют никакого отношения... Тиккирей, ты уверен, что узнал этого парня? Именно тот, что заселялся сразу после тебя?

– Да, он. У него лицо такое характерное. Узкое, клином, и еще длинные волосы. А что во-вторых?

– Во-вторых... – Привстав с кресла, Стась набрал несколько команд на терминале. – Во-вторых, мой юный друг, фаги не умеют «отводить глаза». Это стандартное заблуждение. Подготовка фага включает в себя овладение техникой маскировки, гипноза, вербального и невербального воздействия на психику, но все это очень далеко от невидимости. Тем более на большом расстоянии. Тем более, что некоторая вероятность не заметить фага была бы у тебя, постоянно на него смотрящего, а не у Лиона, который посмотрел быстро и мельком. Это сложно объяснить, но уж поверь.

– А в третьих что-то есть? – спросил я.

– Есть. Этот человек – не из Рыцарей Авалона. И если ты решил, что это я – преступник, то ошибаешься.

Пристыженный, я замолчал.

– Тебе известно, Тиккирей, почему в средние века Земли, в докосмическую эру, рыцарство исчезло как явление? – поглядывая на терминал, спросил Стась. Он, кажется, умел делать одновременно множество дел. Например – работать с компьютером, причем не через шунт, а руками, и вести урок...

– Ну... я не очень помню, – признался я.

– Если кратко... отдельный человек перестал быть серьезной боевой силой. Мастерство, подготовка – все пасовало перед примитивным огнестрельным оружием или даже хорошим арбалетным болтом. Ну чего стоил рыцарь, друг мой Тиккирей, если тупой и грязный наемник мог убить его из засады, даже не дав приблизиться? Рыцарство возможно лишь в той ситуации, когда подготовленный человек-одиночка и впрямь является мощной боевой силой.

– А как же тогда...

– История идет по спирали, Тиккирей. Сейчас развитие науки и биотехнологий привело к тому, что один-единственный человек снова становится значимым фактором. Не нужны многочисленные экипажи и дорогостоящие космические корабли – маленький дешевый корабль с одним пилотом на борту способен уничтожить планету. Развитый в нужном направлении, прошедший определенные положительные мутации и соответственно тренированный человек способен противостоять тысячам противников. Понимаешь?

– Понимаю.

Стась улыбнулся.

– Так вот, именно поэтому после колонизации Авалона там организовалась группа людей, назвавших себя Рыцарями Авалона, или фагами. Предвидя данную ситуацию, они решили

возродить рыцарство как полезное социальное явление. Ими была создана достаточно сложная структура, препятствующая корыстным, антисоциальным поступкам отдельных фогов. Было заключено некое соглашение с правящим императорским домом... после чего Рыцари Авалона вот уже более двухсот лет пытаются служить Империи.

– Но есть же Флот, полиция... – вспомнив слова Лиона, сказал я.

– Есть. Конечно же. Но суть именно в том, что Рыцари Авалона не связаны ни официальным положением, ни бюрократией, ни служебными инструкциями. Ничем, кроме общих этических правил... выработка которых и позволила возродиться рыцарству. Таким образом они имеют куда большую свободу маневра и порой предотвращают серьезные кризисы в развитии человечества. Есть еще вопросы?

Я молчал. Я хотел задать вопрос, но не знал, стоит ли это делать. Стась серьезно смотрел на меня, потом протянул руку и похлопал по плечу:

– Давай. Спрашивай.

– Почему вы не любите, когда вас зовут джедаями? – спросил я и посмотрел Стасю в глаза.

– Потому что мы не джедаи, – просто ответил Стась. – Мы не размахиваем светящимися мечами, не увораживаемся от лазерных лучей и не можем становиться невидимыми.

– Я никому не скажу, кто вы, – сказал я.

– Это не имеет значения, Тиккирей. Я и так раскрыт, к сожалению. Уже двое суток. И даже если я ошибаюсь и ты – агент противника, то я ничего нового не выдал.

– А кто ваш противник? – тихо спросил я.

– Вот этого я объяснять не стану. Оно тебе не нужно.

Стась поднялся, достал из кармана пачку денег:

– Возьми. Полагаю, тебе этого хватит, чтобы дождаться получения гражданства.

Я ничего не понимал. Смотрел на деньги – их было много. И впрямь можно было спокойно дожидаться решения...

– Неужели я так сильно вам помог? – воскликнул я.

– Тиккирей... – Стась вздохнул. – Знаешь, в чем главная беда нашей цивилизации?

– В чем? – пробормотал я, все еще не решаясь взять деньги. Стась затолкал пачку мне в карман и продолжил:

– Мы – мужская цивилизация. Так сложилось из-за того, что женщины не выдерживают гиперпереход. Глупость, случайность, шутка природы, но наша цивилизация развивается исключительно по мужскому типу. Мы все – очень логичны, серьезны, в меру агрессивны и авантюристичны. Добры и справедливы... в рамках своей логичности. И в этом беда, Тиккирей. Именно поэтому возможен твой несчастный Карьер, где у людей есть гарантированное законом право на смерть. Именно поэтому подвозивший тебя таксист, зная, что у подростка, ребенка в общем-то, почти нет денег и абсолютно нет шансов их заработать, великодушно не взял чаевые, но даже не подумал отказаться от платы совсем. Именно поэтому, глупый маленький Тиккирей, родители твоего друга Лиона прокатят тебя на машине, пригласят на барбекю, но даже не подумают оформить над тобой временную опеку и помочь продержаться полгода. Мы логичны, Тиккирей.

– Но это же правильно! – воскликнул я. – Капитан Стась... но ведь у нас на Карьере и впрямь очень трудно жить! А таксист работает! А у родителей Лиона свои проблемы и трое своих детей! Ну с какой стати им что-то делать для меня?

Стась кивнул. И очень невесело улыбнулся.

– Правильно, Тиккирей. Вот про это я и говорю. Великие бунты феминисток, эпоха темного матриархата – все это кончилось с началом межзвездных полетов. И это правильно, в крайностях нет ничего хорошего. Но мы ушли от одной крайности к другой. От цивилизации стабильно-эмоциональной, к цивилизации экспансивно-логичной. «Карго, знай свое место!» И

поэтому... поэтому, Тиккирей, давай решим, что ты мне и впрямь чрезвычайно помог. Деньги тобой честно заработаны.

Я попытался что-то сказать – но он мягко подтолкнул меня к двери. Сказал:

– Удачи тебе, Тиккирей. Завтра я улетаю с планеты. Что-то у меня не заладилось, вот беда...

– Может быть, я вам помогу еще чем-то... – пробормотал я. Все было неправильно! Все было не так! Ну зачем он мне дал столько денег! И зачем улетаешь?

– Нет, Тиккирей. Спасибо, ничего не нужно. Вот только... – Стась нахмурился. – Знаешь, я бы и впрямь посоветовал тебе поискать другую планету. Не знаю почему. Спиши это на интуицию... джедая... – Он улыбнулся. – Удачи.

Я вышел, и Стась закрыл за мной дверь.

Вот так...

Минуту я стоял у порога, глядя на звезды и пытаюсь понять – ну почему все в жизни получается неправильно? Если верить Стасю, так весь наш мир неправилен, и только из-за того, что женщины не выносят гиперпереход. Подумаешь, важность... есть же анабиоз... Может, они и впрямь придурки, все эти Рыцари Авалона?

Пачка незаработанных денег жгла мне карман. Вытащить оттуда одну бумажку, а остальное оставить под дверью...

Но я не мог так поступить. Потому что в одном Стась был прав – больше никто не поможет мне так. Вот как космонавты с «Клязьмы», как водитель такси, как бармен из космопорта на Карьере – так помогут. А чтобы ни с того ни с сего, совершенно неразумно подарить кучу денег – нет уж...

В горле у меня стоял какой-то колючий ком. Я шмыгнул носом, застегнул карман и шагнул на дорожку.

И тут же увидел человека, стоящего в полутьме. Того самого парня, что заселялся вслед за мной и сегодня днем заходил в коттедж Стася. Которого не видел Лион...

Кажется, вор был уверен, что и я его не увижу. Во всяком случае, когда я остолбенел, глядя на него, на лице его появилось удивление. Секундное.

Этой секунды мне хватило, чтобы закричать, – потому что в руке бандита тускло блеснул металл и я понял, что сейчас меня убьют.

И этого крика мне хватило, чтобы спастись, – потому что ночь превратилась в день, а над моим плечом сверкнул ослепительный белый шнур.

Человек, который собирался выстрелить в меня, тоже закричал. Пылающий белый жгут пережег его руку, кисть вместе с пистолетом упала в мокрую траву. А огненный шнур все плясал, будто заключая его в клетку, не давая сделать ни шага.

Ноги у меня подкосились, и я сел на теплый камень дорожки. От двери коттеджа шел Стась – шнур начинался откуда-то от его руки и будто живой все вился и вился вокруг бандита.

– А еще говорили, что огненными мечами не машете... – довольно громко сказал я. И на меня навалилась темнота.

Бандит стоял в углу комнаты, приклеенный к стене. Абсолютно голый – одежда и горка замысловато выглядящей аппаратуры лежала в углу. Я никогда не думал, что бывает клей, который так быстро застывает и так крепко держит – несколько раз бандит терял сознание, обвисал, но приклеенные к стене волосы и спина удерживали его на весу.

Стась похлопал меня по щеке и спросил:

– Отошел?

– Извините, – сказал я. – Не знаю, почему я так. Я никогда сознания не терял.

– Это я тебя отключил. – Стась развел руками. – Безопаснее тебе было полежать на земле.

– Я не заметил, – недоверчиво сказал я.

– А ты и не должен был заметить.

Бандит в очередной раз обмяк, повис, скривился от боли и выпрямился. Он молчал, хотя ему наверняка было больно – ведь правая рука превратилась в культю. Кровь не шла: наверное, огнем сожгло все сосуды. Обрывки красивой цветастой рубашки на рукаве оплавилась, охватывая культю черным валиком, прикипев к телу. Я отвернулся.

– Иди к себе, Тиккирей, – мягко сказал Стась. – Теперь-то ты точно отработал свои деньги.

– Это он забирался к вам днем, – прошептал я.

– Я понял. Иди, мальчик.

Поднявшись, я все-таки спросил:

– Что вы с ним сделаете?

– Поговорю, – ответил Стась.

– Надо сообщить в полицию... и вызвать врача.

– Конечно. Я это тоже сделаю. Иди.

Я посмотрел ему в глаза и сказал:

– Стась, вы меня обманываете.

Капитан вздохнул. Потер щеку.

– Тиккирей, я очень устал, у меня совсем нет времени, и я по-прежнему не понимаю, что происходит. Этот человек – профессиональный шпион. Не убийца, иначе ты был бы мертв, но убивать ему приходилось. Тиккирей, позволь мне делать мое дело. Угу?

Я отвернулся. Он был прав. Пусть эти рыцари-фаги и странные, но ведь Империя не объявляет их вне закона. Наверняка у капитана Стася побольше полномочий, чем у любого полицейского на этой планете.

– Тебе повезло, фаг... – внезапно сказал бандит. – Тебе просто случайно повезло.

Голос у него был почти нормальный, как у здорового и уверенного в себе человека. Я уже шел к двери, но тут не выдержал и остановился. Стась бросил на меня короткий взгляд, но ничего не сказал.

– Моя работа состоит именно в том, чтобы использовать удачу, – сказал Стась. – Твоя, похоже, наоборот. Ты будешь говорить?

– Может быть, еще и станцевать? – Бандит осклабился.

– Не стоит, у тебя плохое чувство такта. – Стась подвинул стул и уселся напротив пленника. – Мальчишку-то зачем хотел убить? Он случайно здесь оказался и тебе не противник.

– Он не имеет никакого значения, – равнодушно ответил бандит. – Ты – враг, а он – никто.

– Знакомая логика, – кивнул Стась. – Но обычно вы считали «ником» стариков, а детей, напротив, сохраняли живыми.

– Бывают исключения, – сказал бандит. – Может быть, и впрямь вызовешь врача, джедай?

– Зачем тебе врач? – удивился Стась. – Кровотечения нет, эндорфинами ты и сам накачался.

Бандит снова ухмыльнулся.

– Я не собираюсь тебя убивать, – сказал Стась. – Ты пешка. Пусть и стоящая в нужном месте. Но кое-что я хотел бы выяснить. Тиккирей!

– Да, капитан, – быстро ответил я.

– Ты прав, что не уходишь. Подожди немного.

Он встал, подошел к бандиту вплотную. Положил руку ему на лоб. Может быть, мне показалось, но в глазах бандита вдруг мелькнул страх.

– Ты ведь заблокирован, – сказал Стась. – Так?

Бандит молчал. Только ерзал, будто пытался отлепиться.

– Но если я задам тебе особые вопросы, тебе очень захочется ответить... – ласково продолжал Стась. – Очень-очень... и ты начнешь говорить и умрешь... Верно?

– Да. – Бандит облизнул губы.

– Повторяю – у тебя есть шанс остаться в живых. Я могу задать тебе несколько других вопросов... ответы на которые не приведут к твоей смерти. Так что выбирай. Сделка выгодна мне – я получу хотя бы часть информации. И тебе – ты сохранишь жизнь. Если ты агент высокого класса, а мне сдастся, что это так, то инстинкт самосохранения тебе не стирали. Решай.

– Какие вопросы? – спросил бандит.

– Твой ранг?

– Лейтенант внешней безопасности Инея.

– Имя?

– Карл.

Стась кивнул:

– Ты не мог бы дать совет этому мальчику, лейтенант Карл? Он собирается принять гражданство Нового Кувейта. Стоит ему это делать?

– Этот вопрос на грани блока! – быстро ответил Карл.

– Но ведь не за гранью? Представь, что этот ребенок твой сын или чем-то тебе очень сильно помог. Что ты ему посоветуешь?

– Брать билет и улетать на Авалон, – резко ответил Карл. – Все, джедай?

– Сейчас ему следует отправиться спать или лучше вызвать машину и поехать в космопорт?

– Вот этого я не знаю. – Карл подался вперед. – К счастью, не знаю, иначе ты убил бы меня! Фаг, нечестная игра!

– Хорошо-хорошо, заканчиваем! – успокаивающе сказал Стась. Его голос вдруг изменился, завибрировал, будто пропущенный сквозь трюковую компьютерную программу. – Кстати, почему этот мальчик – никто для Инея?

– У него... – так же быстро ответил Карл. И замолчал – глаза его остекленели, челюсть обвисла, и сам он мертво повис на стене.

– Обидно, – сказал Стась, глядя на безжизненного лейтенанта с планеты Иней. – Как обидно.

– Вы знали, что он умрет от этого вопроса! – крикнул я. – Капитан Стась, вы его убили!

– Да. – Стась кивнул. – Я надеялся, что он успеет ответить, его организм сейчас накачан гормонами... но слишком хороший блок.

– Вы его убили, – повторил я.

– Да, Тиккирей. – Стась посмотрел на меня. – На его совести – десятки жизней, поверь. И еще кое-что похуже простых убийств.

Я отвернулся. Мертвый голый мужчина с обгорелой культей вместо руки висел на стене, словно какая-то букашка в коллекции. Пусть Стась был прав и он бандит, но нельзя же убивать бандита без суда! Какой же он после этого рыцарь!

– Тиккирей... – Неправильный рыцарь подошел, обнял меня за плечи. Он понял, о чем я думаю. – Ты еще убедишься, что я был прав. Наверное. А сейчас я вызову тебе такси, ты соберешь свои вещи и улетишь.

– Куда? – прошептал я.

– Сейчас попытаюсь придумать. Тебе нужна молодая, добрая, гостеприимная планета. Такая, где есть леса, горы, моря. Где можно работать, учиться и не забивать голову такими проблемами, что вовсе не нужны для счастья.

– Ну почему я должен улетать! – выкрикнул я. – Мне тут нравится, у меня тут друзья!

– Ты слышал, что тебе посоветовал Карл?

– Да...

– Поэтому и улетай. Новый Кувейт вот-вот будет захвачен Инеем.

Я даже фыркнул.

– Это ведь богатая планета, тут Имперский Флот на орбите! Никакая колония не станет бунтовать против Императора!

– Да, но за последние полгода четыре планеты присоединились к Федерации Инея. Большие, богатые, процветающие колонии... Ты будешь слушаться моих советов, Тиккирей?

Как же мне было паршиво...

– Да, капитан Стась.

– Иди и собирай свои вещи. Быстренько, ладно? Я вызову машину и посмотрю расписание рейсов.

Мне и собирать-то было почти нечего. Фотография, которую я успел поставить на стол, – я с родителями, два года назад, в городской оранжерее, перед клумбой с розами. Полотенце, которое я повесил в ванной – чтобы немножко напоминало дом. Планшетка, которую я подключил к терминалу. И мои старые, глупые, детские часы в виде робота.

Но я почему-то еще несколько минут шатался по комнате, заглядывал в шкафы и на полки. Я даже не сразу понял, что тихонько хнычу при этом, не плачу, а именно хнычу – без слез. Ведь я уже привык к своему коттеджу...

А как же Лион?

Я закрыл чемодан, захлопнул дверь и быстро пошел к коттеджу, где жила семья Лиона. Было тихо, даже из ресторана, хоть там и горел свет, не доносилось ни звука. Все уже угомонились и давным-давно спали. Но я должен был попрощаться с Лионом... и предупредить его. То есть не самого Лиона, а его родителей.

На звонок никто не отвечал. Вначале я звонил в дверь вежливо, коротко – чтобы сразу дать понять, что час поздний и я это знаю. Потом прижал палец к сенсору, слыша, как внутри заливается трелями сигнал.

Никто не открывал. Неужели они куда-то уехали?

И Лион не захотел меня предупредить?

Оставив чемоданчик у двери, я обошел коттедж. Вот это окно комнаты, в которой живет Лион с братом и сестрой. Оно даже было приоткрыто.

Подпрыгнув, я уцепился за подоконник, подтянулся, тихонько вполз в комнату. Ох, проснется сейчас мелкий братишка Лиона и подымет рев...

В комнате был полумрак – на стене светился ночник, сделанный в виде морды динозавра. Вот уж придумали, я бы при таком ночнике не уснул от страха.

И Лион, и его брат, и сестренка спали. Я подсел на кровать к Лиону, потряс за плечо, шепотом сказал:

– Это я, Тиккирей. Просыпайся!

Горазд же он спать!

– Лион!

Его голова уже моталась по подушке от моих толчков. Из полуоткрытого рта свесилась ниточка слюны. Лион не просыпался.

В безумной панике я бросился к кровати его брата. Сдернул одеяльце, приподнял, потряс. Любой малыш бы от такого проснулся!

А вот брат Лиона болтался у меня в руках, словно ватная кукла. Пижамные штанишки у него были мокрые, лоб блестел от испарины.

– Мистер Эдгар! Миссис Аннабель! – закричал я, опуская ребенка в кроватку, зачем-то укрывая одеялом. – Идите сюда!

Что сейчас начнется...

Только ничего не начиналось. Тишина.

Я заметался по комнате, включил свет, выглянул в гостиную, зажег свет и там, а потом, не выдержав, метнулся в спальню взрослых. Распахнул дверь, хотя и понимал, как невоспитанно поступаю.

Родители Лиона лежали на широкой двуспальной кровати. Глаза их были полуоткрыты и поблескивали белками.

С ними со всеми что-то случилось!

– Я сейчас, я быстро... – прошептал я, отступая. – Честное слово, вам помогут...

Может быть, они чем-то отравились?

Но я уже понимал, что такие простые объяснения перестали работать. Это как уверенность Лиона в том, что мне примерещился бандит, агент планеты Иней... Похоже на правду, но ею не является.

Разблокировав дверь, выскочив из коттеджа, я кинулся к капитану Стасю. Кинулся в полной уверенности, что и неправильный рыцарь с Авалона лежит на полу, пуская слюни и тупо глядя в никуда.

Капитан Стась жег свои вещи. Из его протянутой руки бил пылающий шнур, плясал по комнате, словно огненная змея, обвивая компьютерные блоки, сумки, чемоданчики. Пламя даже не успевало вспыхнуть – все мгновенно рассыпалось в пепел. Пожарную сигнализацию он отключил, потому что сирена молчала.

– Капитан Стась! – закричал я. Рыцарь повернулся, огонь погас. Я успел заметить, что рукав его куртки скользнуло что-то гибкое, покрытое серебристой чешуей. Но мне было не до того. – Там, там что-то случилось! Лион спит, и его семья вся спит, и они не просыпаются...

– Я знаю. – Стась подхватил с пола единственную сумку, которую не стал жечь. – Служба такси не отвечает. Началось вторжение Инея, Тиккирей.

– Стась...

– Идем, Тиккирей. Попробуем пробиться в космопорт.

Я заматал головой. Мертвый шпион с Инея все так же висел на стене, но он меня больше не пугал.

– Капитан Стась, там же Лион и его родители! Помогите им!

– Тиккирей! – резко сказал Стась. – Я помогу выбраться тебе, раз уж ты так глубоко завяз во всем этом. Но я не собираюсь никого спасать. Ни детей, ни женщин, ни стариков. На этой планете семьсот миллионов человек, и все они нуждаются в помощи. Помочь надо всем, а не только твоему другу.

– Но, капитан...

– И никаких споров! Ты идешь со мной?

Я отступил к двери. Мне было страшно, очень страшно. И капитан Стась, фаг с Авалона, был моей единственной защитой на чудесной планете Новый Кувейт, в один миг погрузившейся в кошмарный сон.

– Вы так хорошо говорили, капитан Стась... – прошептал я. – Про то, что мы все логичны... и что это плохо. Я вам поверил, наверное.

Капитан Стась молчал.

– Извините, – сказал я.

– Где живет твой друг? – спросил Стась.

– Это рядом, это близко! – закричал я. – Пойдемте, это одна минута!

На самом деле идти было минут пять. Но мне показалось, что мы шли четверть часа. Стась широко шагал, а я бежал рядом, едва успевая. Стась все время держал правую руку чуть наоплет от тела, и я понял, что в любой момент может вспыхнуть огненный шнур.

– А это все-таки меч... – часто дыша, сказал я.

– Сколько тебе говорить, это не меч, – резко ответил Стась. – Плазменный бич гораздо универсальнее.

Дверь в коттедж так и оставалась открытой. Стась быстро заглянул в спальню родителей Лиона, пощупал им пульс, провел ладонью над лицами, нахмурился. Ничего не говоря, прошел в детскую спальню.

– Это твой друг?

– Да!

– Мы еще не наблюдали за людьми в фазе перерождения, – сказал Стась. – Я бы предпочел взять младшего мальчика, его легче нести. Но если ты хочешь, мы возьмем твоего друга. И... и попробуем ему помочь. Но никаких гарантий нет, сам понимаешь.

Я понимал, что задавать вопросы о родителях Лиона бесполезно. И о его тихой, молчаливой сестренке, и о его непоседливом братишке – тоже. Но все-таки спросил:

– А если еще...

– На этой планете, – устало повторил Стась, – миллионы детей, попавших в ту же беду. Можно помочь всем или не помочь никому. Я и так согласился взять твоего друга, Тиккирей.

– Я сам его понесу, – отважно сказал я.

– Угу, – буркнул Стась, сбрасывая сумку. – Утащишь?

Я поднял – тяжелая. Но легче, чем Лион, ясное дело.

– Да, конечно.

В несколько движений Стась спеленал Лиона одеялом, закинул на плечо. И молча вышел.

– Извините, – сказал я маленькому мальчику и маленькой девочке, которые спали в своих кроватках странным, нечеловеческим сном. – Простите нас, пожалуйста.

Мой чемоданчик стоял у порога, его я тоже подхватил. И, весь согнувшись от тяжести, побежал за Стасем.

Мы прошли мимо нескольких машин, прежде чем Стась что-то довольно пробурчал и подошел к скромному джипу. Открыл дверь – замок даже не пискнул, секунду повозился с контрольной панелью – и та тоже разблокировалась. Лиона он положил на заднее сиденье, кивнул мне:

– Садись.

Я сел рядом с Лионом и положил его голову себе на колени, чтобы не так болтало. Он по-прежнему был в своем тяжелом сне.

– Что с ним, капитан Стась?

Машина резко рванула, выезжая на дорогу, идущую через весь мотель.

– Он в перерождении, Тиккирей, – неохотно ответил Стась. – По нашим данным, подобный сон, длившийся пять-шесть часов, охватывал все... почти все население атакованных Инеем планет. После этого они добровольно присоединялись к Инею.

– Ему можно помочь?

– Не знаю.

Машина вырвалась на дорогу, но, к моему удивлению, Стась поехал не к космопорту, а к городу.

– Зачем мы туда едем? – испуганно спросил я. Мне хотелось куда угодно, хоть обратно на Карьер, но подальше от Нового Кувейта.

– Хочу глянуть на дворец султана. Вчера, по моему совету, в нем был включен защитный силовой купол. Может быть, правительство уцелело... тогда есть шанс вызвать на помощь Флот.

– Вы знаете самого султана? – поразился я, несмотря ни на что.

– Да.

– Капитан Стась... значит, вы могли просто попросить, чтобы мне дали здесь гражданство. Да?

– Я не занимаюсь улаживанием мелких проблем маленьких мальчиков, – устало сказал Стась. – Если ты думаешь, что, разговаривая с султаном, я помнил о твоём существовании, то ты себе льстишь.

Я замолчал, обхватив Лиона и придерживая его крепче. Дорога была шикарная, и машину Стась водил здорово, но с такой скоростью, что нас все равно бросало из стороны в сторону.

– Есть такая старая книжка, «Дон-Кихот», – неожиданно сказал Стась. – Так вот, ее герой считал необходимым исправлять все несправедливости, встретившиеся ему на пути. Например, злобный хозяин бьет маленького мальчика, находящегося у него в услужении. Значит, надо наказывать хозяина. И уехать дальше. О том, что будет, когда хозяин снова окажется наедине с ребенком, наивный рыцарь не подумал. Аналогия ясна?

– Разве султан такой злобный?

– Нет, но от пристального внимания его спецслужб, удивленных моим поступком, ты бы скоро на стену стал лезть. И второе... я не занимаюсь...

– Улаживанием мелких проблем, – закончил я. – Спасибо, капитан Стась.

Мы въехали в город. Потянулись кварталы небольших, этажей в десять – двенадцать, домов, наверное, жилой район. Вроде бы все здесь было в полном порядке – горели фонари, огни реклам, светились почти все окна. Я радостно завопил:

– Смотрите, Стась, здесь все в порядке!

Действительно, почти в каждом окне были видны люди. Празднично одетые, танцующие или сидящие за столами, беседующие у каминов. Наряжающие новогодние деревья или собирающие модели ракет ко Дню звездоплавания...

Я замотал головой, ничего не понимая.

– Ты рос на очень отсталой планете, Тиккирей, – мягко сказал Стась. – Это проекционные окна, они лет десять как вошли в моду... на Новом Кувейте ими оборудован почти каждый дом. Понимаешь, ты записываешь на свое окно какой-то хороший славный праздник... свадьбу, Новый год, день рождения... А потом по вечерам твое окно транслирует наружу это изображение. Каждый старается показать окружающим, как здорово умеет веселиться, как у него хорошо и уютно. Не хватает своей фантазии или умения создавать уют – значит, заказывают изображение у дизайнеров.

– Угу, – сказал я. – Я читал. Я уже понял. Нигде нет людей на улицах и машин нет. Совсем. Не могут же все спать, верно?

В каком-то окне как раз была свадьба. Молоденькая невеста, лет семнадцати, наверное, целовалась с таким же юным пареньком. Вот странно... ведь на самом деле они уже совсем взрослые люди, у них могут быть дети старше меня... а их свадьба продолжается. Свадьба идет... а они лежат в кроватях, пуская слюну...

– Тебе нравится эта мода? – спросил Стась.

– Нет, – прошептал я.

– Мне тоже – нет. Я даже обычное видео не люблю, Тиккирей. Даже обычные фотографии. Память – это то, что внутри тебя.

Машина выехала на широкий проспект, а еще минут через пять мы подъехали к дворцу султана. Очень красивому, очень большому, может, только у Императора на Земле дворец больше.

Стась тихо застонал. Длинно и грязно выругался на незнакомом языке – я ни слова не понял, но что он именно ругается, сомнений не было.

– Над всеми этими башенками и куполами, Тиккирей, – сказал Стась, – сейчас должно было мерцать силовое поле. Тоже красиво, по-своему. И абсолютная защита. Я недооценил разведку Инея.

Машина развернулась на середине пустого проспекта и ринулась назад.

– А если и в порту все спят? – тихо спросил я.

– Ну и что?

– Разве можно взлетать без разрешения портовой службы?

Стась невесело засмеялся. Потом сказал:

– Значение слов «можно» и «нельзя» в критической ситуации меняется на противоположное.

– Капитан Стась, а почему с нами ничего не случилось? – рискнул я задать вопрос, который мучил меня уже с полчаса.

– Не знаю, Тиккирей. У меня есть некоторые особые способности. Но ты самый обычный мальчик. И при этом агент Инея не смог стать для тебя невидимым, и то оружие, которым они захватывают планеты, тоже на тебя не подействовало.

Меня словно ледяной водой окатили.

Я крепко сжал руку Лиона – вялую, безжизненную.

А я-то подумал... почти подумал, что капитан Стась тоже мой друг.

На самом деле он всего-то выполняет задание. Не смог помешать агентам Инея – зато получил двух пацанов. Один – «в фазе перерождения». А на другого не подействовало загадочное оружие врага.

– Как там твой приятель? – спросил Стась.

– Ничего, – ответил я. – Спит.

– Я сейчас прибавлю скорости, – сообщил Стась, словно мы и так не гнали под двести километров. – Так что держи его покрепче, хорошо?

Я даже не ответил. Но обнял Лиона покрепче. Дома мелькали, уносясь вдаль, в светящихся окнах танцевали, ели, разговаривали люди, которые скоро станут беспомощными марионетками.

Они, наверное, и не поймут, что случилось.

Глава 6

Космопорт был таким же пустынным, как и город. Вот только здесь мы все время наталкивались на спящих людей: в такси у стоянки, у входов и выходов, в будочках охраны, сделанных из темного матового стекла.

– Они погрузились в сон не сразу, – сказал Стась, оглядываясь. – Видишь, нигде нет столкнувшихся или разбившихся машин, никто не поранился при падении. Словно всем захотелось уснуть... и они торопливо прилегли где придется.

Он был прав. Я даже заметил несколько человек, которые лежали на тротуарах, подложив под голову дипломаты, сумки, портфели. А один пожилой мужчина даже расстелил на траве свой плащ, а из раскрытого чемодана достал ночной колпак – да только не успел его надеть. Над этим можно было бы похихикать, если бы это была комедия по ти-ви.

Торопясь за Стасем, я все-таки оглядывался, стараясь запомнить как можно больше. Сам не знаю уж зачем. И поэтому нормального человека увидел одновременно с рыцарем.

Это был старик в инвалидной коляске. Он медленно ехал от одного из корпусов порта, поглядывая по сторонам. И увидев нас, немедленно завопил, неожиданно пронзительно:

– Стойте! Стойте!

Мы остановились. Я обратил внимание, что Стась очень спокоен, словно не ждет никакого подвоха.

Коляска набрала скорость, подъехала к нам. Старик сразу же подозрительно уставился на Стася и спросил:

– Куда вы тащите этого беспомощного ребенка?

– Догадайтесь с трех раз, куда сейчас можно кого-то тащить? – вопросом ответил Стась. – В приют для умалишенных детей? На рабовладельческий рынок? Или все-таки куда угодно, но подальше отсюда?

Старик кивнул. Был он очень старый, но не дряхлый. И одет в какой-то роскошный костюм с запонками из драгоценных камней, переливчатый галстук, ботинки из светящейся в темноте кожи авалонской ящерицы. И коляска у него стояла, наверное, побольше любой автомашины. Только шунт у него был древний, как он сам, сантиметров пять диаметром, под несколько типов разъемов, которые уже давно не использовались. Я даже на Карьере такие шунты редко видел.

– Меня зовут Юрий, – сказал старик. – Юрий Семяцкий-младший, всецело к вашим услугам.

– Стась, – ответил фаг. – Это Тиккирей, а спящего мальчика зовут Лион. Вам нужна помощь?

Старик замотал головой:

– Нет, благодарю вас. В порту нас около двухсот человек, тех, кто не уснул. Мы все собираемся в лайнере «Астрахань», он наиболее вместителен. Поскольку я мало способен к переноске тяжестей, то объезжаю территорию порта в поисках нормальных людей. А остальные грузят в корабль спящих. Сколько успеем за оставшееся время... через полтора-два часа будем стартовать.

– Ого. – Стась явно был удивлен. – Это хорошо. Удачи вам.

– Вы не собираетесь к нам присоединиться? – удивился старик.

– Нет, спасибо. У меня свой корабль. Сверхмалый, так что экипаж мне не нужен. Ребят я тоже заберу с собой.

– А не разумнее ли присоединиться к нам? – спросил Юрий. – У нас есть пилоты, навигаторы...

– Нет, – отрезал Стась. – Я предпочитаю полагаться на свои силы. И вам бы советовал стартовать быстрее, а не заниматься опасной благотворительностью.

– Не надо грязи! – воскликнул старик. – Пускай в масштабах планеты все это мышиная возня, но мы сделаем, что сможем.

– Вы хотя бы вооружены? – осведомился Стась.

Старик усмехнулся.

– Будьте очень осторожны, – сказал Стась. – Очень осторожны...

На последнем слове его голос опять неуловимо изменился, и с лица старика сползла улыбка. Он как-то растерянно поправил кабель нейрошунта и завопил:

– Твою мать, так ты ж авалонский фаг! Что происходит? Эпидемия? Вторжение Чужих?

– Еще не знаю. Пойдем, Тиккирей!

Я побежал за Стасем, мучительно обдумывая только что пришедшую в голову идею. Безумную, но...

– побыстрее сообщите Императору, что случилось! – закричал нам вслед старик. – Ясно? Я вашему дурацкому ордену семьдесят лет деньги жертвую! Хоть на что-то вы годны?

Мы вошли внутрь – автоматика дверей работала как обычно. Старик продолжил свой путь.

– Я его видел пару раз на Авалоне, – сообщил вдруг Стась. – Скотопромышленник, свиновод. Занесло же его сюда в недобрый час...

– Они успеют? – спросил я.

– Не знаю.

Сквозь залы, заполненные спящими людьми, мы прошли к терминалу посадочного контроля. Там спали охранники, девушки-диспетчеры, официант с подносом, полным чашками кофе. Наверное, почувствовав странную сонливость, персонал попытался разогнать ее кофейком...

– А вон и его товарищи... – пробормотал Стась. Действительно, в отдалении десяток человек, в основном пожилых, обходили спящих и некоторых, как правило, детей, клали на носилки.

– Я знаю, в чем дело, – сказал я. – Капитан Стась... я знаю, кто уснул, а кто нет!

Стась вздохнул, разблокируя двери, ведущие в пассажирский накопитель. Там тоже спали.

– Хочешь сказать, что все дело в старых нейрошунтах? Без радионасадки?

– Д-да... – Весь мой энтузиазм пропал.

Стась обернулся. Посмотрел на мое кислое лицо, потрепал по голове.

– Не переживай. Ты сделал верное в принципе наблюдение, но... Радионасадка – средство управления механическими эффекторами. Машинами, компьютерами, инвалидными колясками... Она работает и на прием, но пропускной канал столь узок, что воздействовать на психику человека невозможно.

– Совсем? – глупо спросил я.

Стась пожал плечами:

– По нашим данным – совсем. Потребуется несколько месяцев непрерывной, подчеркиваю – непрерывной трансляции данных на шунт, чтобы повлиять на психику хотя бы едва ошутимо! А подобный информационный поток, идущий на планету, будет неизбежно обнаружен. Когда создавали нейрошунт с дистанционным подключением, вопрос о безопасности стоял на первом месте. Именно поэтому входной канал до безобразия узок. Идем, Тиккирей.

– И все-таки дело в шунте... – пробормотал я. – Ведь у всех...

– У меня шунт с радионасадкой, – сообщил Стась. – Начиная с третьей версии чипа, «Креативы» оснащены радиоблоком. И что?

Теперь мне совсем расхотелось спорить.

Наружные двери накопителя Стасю с ходу не поддались, и поэтому он просто вырезал кусок стекла своим плазменным бичом. Я в это время стоял в стороне, глядя на парнишку чуть старше себя, спящего в обнимку с дорогим музыкальным синтезатором. Интересно, зачем он достал его из чехла? Внешность у паренька была как у любого юного гения, чьи концерты транслируются на всю Империю, восторгая домохозяек. Наверное, у него на счету несколько миллионов кредиток, личный охранник, дорогой особняк, а уши, пальцы и шунт застрахованы на немыслимые деньги. Вот только он лежит весь обслонявленный и обмочивший белые брюки, а я жив и здоров. Почему-то.

– Тиккирей!

Я бросился вслед за Стасем. Лион безвольно покачивался у него на плече. Может быть, если мы улетим с планеты, он придет в себя?

Возле выхода стоял маленький автобус. Стась выволок шофера, Лиона уложил на кресла, я сел рядом, и мы поехали по пустынному полю.

– Статистики нам не хватает, – сказал неожиданно Стась. – Понимаешь, малыш? Еще ни с одной захваченной Инеем планеты не вырывалось больше пяти-шести человек. И те... совершенно разные люди. Никакой корреляции. Да, большинство без радионасадки. Но были с новейшими чипами, не поддавшиеся воздействию.

– Вы знали, что все будет именно так? – спросил я, оглядываясь на сияющие огнями здания.

– Догадывались... Ну скажи мне, юный и любознательный Тиккирей, глядящий на мир незашоренными глазами: что общего у молодого компьютерного гения с новейшим шунтом и у дряхлого старика, вообще не имеющего шунта? У проповедника-квакера, преуспевающего бизнесмена, богатенького молодого бездельника и многодетной матери... у всех обычные, среднего класса шунты.

Я молчал, мне нечего было ответить. Лион мерно дышал, одеяло, в которое он был запутан, сползло. Я вдруг заметил, что он тоже обмочился.

– Капитан Стась... знаете, Лион... в общем, он...

– Знаю. Я заметил, когда его нес, – с иронией ответил Стась.

– Нет, вы не поняли! Это ведь как при работе в потоке! Понимаете? Когда меня первый раз подключали, на пробу... я тоже. И когда в бутылке лежишь, там себя не контролируешь, там даже устроено все так, специально...

Стась быстро посмотрел на меня, снова сосредоточился на управлении. Потом сказал:

– Похоже. Но откуда здесь потоковое подключение, Тиккирей?

– Не знаю. Но это поток! – твердо сказал я. – Я в нем был, я уверен!

– Знаешь, мне нравится твое упрямство, – задумчиво сказал Стась. – Хотя чего еще можно ожидать от мальчишки, убежавшего с каторги, а потом разжалобившего бессердечных космонавтов-торговцев?

Комплимент был сомнительный, но все-таки мне стало приятно.

– Приехали, – останавливая автобус у совсем маленького, метров десять диаметром, корабля, сказал Стась.

– Я думал, у вас корабль большой, – не удержался я.

– Сверхмалые корабли позволяют пилотирование в одиночку, – сказал Стась. – Без расчетных модулей, понимаешь?

Я вздрогнул. Я как-то даже и не подумал, что если у Стася свой корабль, то там должны быть «мозги в бутылках»!

– У меня нет расчетных модулей, – мягко сказал Стась. – Расслабься... В случае необходимости можно подключить несколько человек в поток, но обычно в этом нет нужды. Чем меньше размер корабля, тем проще математический аппарат навигации в канале.

В корабле открылся люк. Мы вошли в крошечную шлюзовую, Стась немедленно закрыл люк, повертел головой – на стенах стали оживать какие-то приборы. И впрямь у него радиосхунт.

– Комфорта не обещаю, но зато скроемся, – сказал Стась. – Так, что бы придумать с твоим другом...

– У вас есть приборы, чтобы проверить его мозг? – спросил я.

– На предмет работы в потоке? – спросил Стась.

Я кивнул.

– Тиккирей, наше время, вероятно, крайне ограничено... – начал Стась. Потом махнул рукой и понес Лиона в одну из дверей.

Там оказалась рубка – тоже маленькая, с тремя креслами перед пультом. Сзади, за креслами, было небольшое помещение, даже не отделенное стеной. И в нем – два полупрозрачных цилиндра темного стекла со знакомыми кроватями внутри. Меня сразу пробило дрожью.

– Извини, но это наиболее простой способ диагностики, – буркнул Стась, открывая один цилиндр и укладывая туда Лиона. Достал кабель и вставил Лиону в нейросхунт.

Я молча ждал, глядя на друга и кусая губы. Он мне еще завидовал, что я побывал в потоке, дурак!

– Иди сюда, Тиккирей, – позвал меня Стась. – Гляди...

У изголовья кровати светился маленький экран. Я ничего не понял в символах, и Стась объяснил:

– Его мозг работает. Я не рискнул бы назвать это потоком, ведь он работает изолированно, но структура очень похожа на потоковые вычисления.

– А что он считает?

Стась пожал плечами:

– Если бы знать... сейчас промерим нагрузку...

Его пальцы заскользили по сенсорам.

– Хорошо считает, – с некоторым удивлением сказал Стась. – Ого, глюкоза как упала... твой друг очень занят сейчас... Понимаешь, Тиккирей, человеческий мозг любит работать. Любит думать. И при работе в потоке отдает все свои ресурсы на обработку данных, но беда в том, что никаких решений при этом не принимает, и те области, что отвечают за процесс целеполагания, оказываются излишними. И начинают отмирать как ненужные, перестраиваться... Дьявол!

Он замолчал, глядя на цифры.

– Что случилось? – жалобно спросил я.

– Тиккирей, это не просто поток, это водопад какой-то...

– Ему плохо?

– С ним совсем беда. – Стась взял меня за руку. – Он работает на три порядка интенсивнее, чем в потоке... ну да, ему ведь не нужно обмениваться информацией с внешним миром... Тиккирей, через несколько часов твой друг будет беспомощен, словно человек после двух-трех лет в потоке.

– Капитан Стась...

– Сорок лет, как Стась. Тиккирей, я не знаю, что делать.

– Его можно остановить? Усыпить?

– Он и так спит, Тиккирей. Чтобы прервать работу мозга, его придется убить.

– Анабиоз! – закричал я. – У вас есть камера?

– Есть. Но к анабиозу готовят около суток. Его нельзя замораживать.

Я и сам понял, что сказал глупость. Чтобы человек выжил в анабиозе, чтобы не лежал «с льдинками на глазах», надо связать всю воду в организме, соединить ее со специальными добавками. К анабиозу готовятся часов десять, не меньше.

– Так что же, он станет дебилом? – спросил я.

– Он станет таким, как это нужно Инею. – Стась выпрямился, развел руками. – Это что-то другое. Изменение сознания близкое к потоковому, но другое.

Я погладил Лиона по руке. Посмотрел на Стася. И сказал:

– Включайте его в поток. И нагружайте расчетами. Какими угодно.

– Что? – Стась нахмурился.

– Может быть, одна задача вытеснит другую?

Стась прищурился. Посмотрел на Лиона – с легким сомнением.

– А если это его убьет? Ты готов решить за своего друга?

– Готов, – сказал я, и это было самое трудное слово, которое я когда-нибудь произносил.

– Тиккирей, я ведь никогда не пользовался расчетными модулями... – Стась махнул рукой. – Сумеешь его закрепить?

– Наверное. Я сам так лежал.

Через несколько минут за Лионом закрылся прозрачный колпак. Стась уселся за пульт, небрежно подключил собственный кабель. Корабль будто вздрогнул – разом заработали все устройства, дремавшие до того момента. Глаза у Стася будто заволочило пеленой – сейчас он был кораблем, чувствовал каждый его блок, каждый кабель и процессор.

– Садись, пристегнись, подключи кабель... – медленно, с натугой произнес Стась. – Мы готовимся к старту, Тиккирей.

Я плюхнулся в кресло, немедленно начавшее подстраиваться под мое тело. Опустил страховочные ремни, тут же уплотнившиеся и спеленавшие меня. О том, как надо вести себя в настоящем пилотском кресле, я знал только из фильмов, но пока все получалось.

– Входи в сеть... – так же тяжело сказал Стась. – Я дам тебе внешний обзор, попробуй привыкнуть.

Поправив волосы, я подключил разъем. И шумно выдохнул, потому что передо мной распахнулся совсем новый мир.

Рубка корабля померкла, стерлась. Теперь я будто смотрел сразу во все стороны, поднявшись метров на десять над землей. Видел и город вдаль, и людей, медленно буксирующих к огромному пассажирскому лайнеру носилки. И другие корабли – мертвые, безжизненные.

А еще рядом было чье-то присутствие. Кто-то большой, дружелюбный и очень занятый... словно сгусток синего огня, пылающий на периферии зрения – на периферии, хотя я и мог теперь видеть во все стороны.

– Капитан Стась? – прошептал я. И понял, что говорю это не вслух.

– Да, Тиккирей. – Пламя стало чуть заметнее. – Я очень занят, просто осматривайся, хорошо?

Я осматривался. Я упивался происходящим. Это ничуть не походило на подключение к школьному компьютеру с его жалким десятком старых видеокамер. Там мир делался похожим на лоскутное одеяло. А тут – обрел цельность.

– Здорово... – прошептал я. И всполошился: – Стась, а Лион?

– Сейчас я его нагружу.

Успокоенный, я стал осматриваться дальше. Посмотрел вверх – и увидел высоко-высоко в небе зев гиперпространственного канала. Это был словно клочок абсолютной пустоты посреди вакуума.

Здорово...

– Если пассажирский корабль тоже вырвется с планеты, это будет большой удачей, – сказал Стась. – Новая статистика.

– Тогда я стану вам не нужен, – сказал я.

Стась ответил не сразу:

– Вот ты о чем...

- Ведь это правда? – спросил я. – И я, и Лион – мы вам нужны для изучения.
- Зачем бы тогда я стал подключать твоего друга в поток?
- Тоже... эксперимент.

Только здесь, в виртуальном пространстве корабля, я мог сказать Стасю эти слова. Лицом к лицу бы не рискнул. Не потому, что боялся... но не смог бы – и все.

– Тиккирей, – после паузы произнес Стась. – Наверное, с твоей точки зрения, все выглядит логично и убедительно. Но это не так. Мы считаем, что в ситуации неопределенности надо совершать наиболее этичные поступки. Так уж повелось, что они оказываются и наиболее верными. Никто не собирается тебя изучать. И твоего друга – тоже. Если ты ответишь на ряд вопросов – нам это поможет. Не захочешь – твое право. Я доставлю вас на Авалон и помогу с гражданством. Вот и все.

И он исчез из моего зрения. Заблокировался.

Даже космические рыцари умеют обижаться.

Я с трудом ощутил собственное тело. Нашел рукой шунт, вынул кабель – голова отозвалась болью. Бросил взгляд на Стася – он смотрел в пустоту, его лицо подергивалось. Сейчас ему придется готовить корабль к старту. В одиночку. Пусть даже он использовал, впервые в жизни, расчетный модуль. А ему еще придется выслушивать упреки трусливого пацана.

Может ли такое быть – на самом деле, – что Стась готов помочь мне просто так? И помочь не так, как должны помогать друг другу честные граждане Империи, а больше? Неразумно, нелогично и бесполезно для всего мира!

Если так бывает – то весь наш мир неправилен. Все в нем неверно. И мои родители вовсе не должны были умирать. И злобная женщина-чиновник из социальной службы на самом деле желала мне добра.

И значит, мне тоже придется жить по-другому. Жить в мире, где главное – вовсе не закон и порядок. Где придется думать над каждым поступком.

– Капитан Стась... – сказал я. – Простите меня. Я, наверное, большой дурак. Но я учусь.

Стась повернул голову. И сказал:

– Проверь ремни, Тикки. Мы стартуем.

Я стал торопливо проверять ремни, хотя и знал, что они в порядке. Меня очень давно не называли Тикки. С тех пор как закрылась дверь за родителями.

Первый раз я летел на космическом корабле и был в сознании. Это оказалось интересно, только я все-таки ожидал чего-то большего. А может быть, я просто слишком переживал из-за Лиона, из-за планеты, так и не ставшей для меня новой родиной, из-за того, что впереди была полная неизвестность?

Стась привел корабль к гиперканалу и остановился. В канал нужно нырять под определенным углом и с определенной скоростью, иначе можно прилететь совсем не туда, куда собирался.

– Рассчитываем курс? – спросил я.

Стась покачал головой. Он явно вышел из навигационного режима и двигался живее.

– Ждем «Астрахань», Тиккирей. Возможно, им удастся вырваться с планеты...

– А они еще не стартовали?

– Нет.

Мы ждали долго. Часа два. Ни один корабль не вошел в канал и ни один из него не появился.

Лайнер тоже не стартовал. Бодрый инвалид на коляске и все остальные – они так и остались внизу.

Стась мрачнел все больше и больше. А потом скривился, как от боли, и включил один из видеоэкранов.

По информационной сети Нового Кувейта шел экстренный выпуск новостей. Султан выносил на общенародное обсуждение вопрос о присоединении планеты к Федерации Инея.

Он выглядел совсем нормально. Я бы никогда не подумал, что этот человек находится под каким-то воздействием. И говорил он очень умные вещи – о том, что федерация из шести планет («и это не предел») позволит Новому Кувейту занять подобающее ему место в Империи. О том, что между Инеем и Новым Кувейтом существуют давние дружеские отношения, культурные и торговые связи. О том, как долго народ планеты ждал подобного решения.

– Славно им промыли мозги, – сказал Стась. – Вот почему не стартовала «Астрахань». Спящие, которых они загружали в корабль, проснулись. И... – Он не закончил.

– Сложно загрузить человеку такую программу, чтобы он начал думать по-другому? – спросил я.

– Сложно, Тиккирей. В том-то и дело. Это должна быть чудовищно большая программа – чтобы не просто убить человека или лишить его воли, а полностью перестроить психику. Даже с хорошим шунтом – несколько суток подключения. Через радишунт ее загрузить вообще невозможно.

Я думал. Я очень напряженно думал. Сутками... и все население... да уж, тут ничего не сделают самые хитрые и коварные агенты с планеты Иней. Нельзя же насильно подключить человеку кабель!

Бывало, что я сидел с кабелем часами, когда совсем этого не хотелось, но так это перед экзаменами... И я сам, пусть и неохотно, подключался к школьному компьютеру.

– Стась, а что за планета – Иней? – спросил я. Стыдно было признаваться, но я почти ничего не знал о нашем враге.

– Самая обычная планета. – Стась покачал головой. – Средняя. Послабее Авалона или Эдема, примерно как Новый Кувейт. Климат, правда, похуже. Но опять же – в пределах нормы. Производила корабли, добывала что-то там... Развитая индустрия развлечений, выпускают виртуальные сериалы, мыльные оперы... да ты должен был видеть, например «Дорогами виде-ний».

– Я не видел, – признался я. – У нас мало закупили развлекательных программ. Интересный сериал?

– Да я тоже не видел, – успокоил меня Стась. – Работа такая, Тикки, не до развлечений...

Он замолчал. Уставился на меня, и я впервые увидел фага растерянным. Поэтому сказал торопливо, чтобы успеть первым:

– Сериалы. Они же через шунт! Воткнул и сидишь, час за часом, каждый день. Информации идет много.

– Тикки... – Стась грохнул кулаком по колену. – Да мы же поняли! Радишунт – лишь спусковой крючок. Сигнал к началу выполнения программы! Они вшивают программу заранее, за месяцы, за годы перед захватом планеты. Потом – одиночный мощный импульс, и программа стартует!

Я обернулся, посмотрел на Лиона. Спросил:

– Теперь ему можно будет помочь?

– Пока не знаю. Но как же мы раньше... – Стась вдруг горько усмехнулся. – Человечество промывало себе мозги веками. Еще не было шунтов, по обычному ти-ви, через радио, через печатные книги. Тысячелетиями заставляли, пытались заставить людей делать то, что им вовсе не нужно! А Иней... он просто сделал следующий шаг.

Я сейчас был бы самым счастливым человеком на свете. Если бы не думал о Лионе, об одурманенной планете и о том, что все еще, наверное, только начинается.

– Спасибо тебе, Тиккирей, – сказал Стась. – Может быть, ты сэкономил нам день, может быть, неделю. А может быть – всего пару часов. Но этим спас какую-то планету. Только не пыжься!

– Почему? – нахально спросил я. – Ведь я... мы и впрямь вместе поняли...

– Тикки, никто и никогда не узнает о твоей роли. Так же, как никто не знает о причинах примирения с расой Цыгу. Или о том, каким образом был прекращен католический джихад на Земле.

– Это вы делали? – растерялся я. Стась говорил о таких вещах, которые уже в первом классе все знают. – А как же мичман Харитонов, который спас матку Цыгу с корабля халфлингов и стал ее символическим супругом? А имам Иоанн, который сжег себя на площади, когда мятежники... Капитан Стась!

– Тиккирей, в твоём теле есть миллионы крошечных клеток-фагоцитов. Ты знаешь, какая из них спасла тебя от опухоли или инфекции?

– Вас же не миллионы!

– Конечно, меньше. Нас меньше тысячи, и это, кстати, почти тайна. Но мы – фаги. Тихо снующие по галактике в поисках опасности. Это тоже своего рода гордыня и своего рода изъяс: быть незаметными героями, служить поводом для острот и насмешек. Может быть, со временем это нас погубит. Но наши враги над нами не смеются, Тикки. Никогда. Теперь – спрашивай.

Я вскинул на него глаза. Замялся. Даже глупо задавать вопрос, когда его уже знают.

– Капитан Стась, я могу стать фагом?

– Почти наверняка – нет. Мне очень жалко, Тиккирей, но подготовка фага начинается еще до его зачатия. Ты никогда не сумеешь двигаться с той скоростью, которая необходима нам в бою. Твои органы чувств слишком слабы. Ты – уже слишком стар. Ты – уже родился.

Я невольно рассмеялся. Но Стась был серьезен.

– Мало быть честным, умным, здоровым человеком. У тебя есть и воля, и упрямство, и интуиция, но... Нужны еще самые примитивные физические возможности. Умение вести бой против двух-трех десятков вооруженных противников. Выдерживать нагрузки, непосильные для человека. Вот примерно так...

Он вынул из кармана монетку в полкредита. И двумя пальцами свернул ее в трубочку. Потом – сплющил в тонкую металлическую полоску.

– Держи.

Я поймал монетку. Металл был горячий, почти обжигающий.

– В нашей работе гораздо меньше таких ситуаций, чем принято думать, – мягко сказал Стась. – Но иногда они возникают. Тебя можно тренировать, учить, и ты станешь куда сильнее и ловчее обычного человека или даже имперского десантника. Примерно таким, как агент Инея, оставшийся в мотеле. Вот только фаг должен быть таким, чтобы никогда там не остаться.

– Угу, – сказал я. – Я понял, извините.

Стась кивнул.

– Фагом ты не станешь. Но можешь быть с нами. Для того чтобы один-единственный авалонский рыцарь мотался по планетам, соря деньгами и запросто заходя к правителям, нужна еще сотня человек, готовящих каждую операцию. И я буду очень рад, если где-то на тихом и мирном Авалоне ты будешь ломать голову над странностями, замеченными в секретных имперских сводках и провинциальных новостях позабытых планет. Делать запросы, анализировать. А потом отдашь мне приказ, и непобедимый супергерой отправится на работу. В девяти случаях из десяти – совершенно попусту.

Я улыбнулся. Да, мне было очень обидно. Но и приятно.

Стась стал серьезен.

– А теперь нам надо лететь, Тиккирей. Надо сообщить то, что мы поняли. Посмотришь, на что похож полет в гиперканале... в первый раз это довольно интересно.

– Подождите, капитан Стась, – сказал я торопливо и стал отстегивать ремни. – Две минуты, можно?

Он улыбнулся, кивнул.

– Нет, вы не поняли, – сказал я. – Я – в поток.

Кажется, мне удалось его удивить по-настоящему!

– Зачем, Тиккирей?

– Там же мой друг. Он один. Ему плохо. Может быть, если я буду рядом с ним в потоке... ну, я понимаю, там нет ничего, но вдруг он почувствует? Вдруг это ему поможет?

Говоря, я уже стоял, раздеваясь, возле второго места для расчетного модуля.

– Ты же собственные мозги горишь, – сказал Стась, помолчав. Он даже не повернулся, сидел напрягшийся и растерянный.

– Ну, за один прыжок ведь не испорчу, верно? Вы же сами говорили, что нельзя всегда поступать разумно... – Я улегся на дурацкую кровать для тяжелобольных и стал застегивать ремни.

– Мне очень жалко, что ты уже родился... – тихо сказал Стась. – Ты мог бы стать настоящим авалонским рыцарем. Удачи тебе, Тикки. Я постараюсь добраться до Авалона как можно быстрее. И не только из-за Инея и Нового Кувейта.

Я кивнул, хотя он и не мог это увидеть. Но ведь мог почувствовать, верно? Достал кабель, воткнул его в шунт. Посмотрел на Лиона – сквозь темное стекло его лицо казалось грустным, но не более того.

Это оказалось совсем не трудно – думать над каждым поступком. Чуть непривычно, чуть страшно. Но не трудно.

– Удачи, Стась, – сказал я, закрывая глаза.

Часть вторая Зимние забавы

Глава 1

Когда я уже подходил к остановке, в затылок мне засадили снежком.

Никак не могу к этому привыкнуть! Мало того, что холодно, так холодно, что надо носить специальную зимнюю одежду, но еще повсюду снег! Я про него знал, конечно, но одно дело знать, а совсем другое – видеть, щупать, идти по нему.

Или получить скатанный в ладонях комок снега за пазуху...

Я повернулся, приплясывая, засунул руку за воротник и вытащил уже подтаявший снежок. Розы и Роси уже подбежали ко мне, смеясь и вовсе не смущаясь своей проделки. Они двойняшки, а с именами, мне кажется, им не повезло, как и мне.

– Привет, Тиккирей, – сказала Розы. – Хорошо я попала?

– Ага, – признался я. От снежка за шиворотом осталось мокрое холодное пятно, но оно уже становилось теплым.

– Я ей говорил, что не стоит, – вставил Роси. – Но она же дура без тормозов, сам знаешь.

Почему-то мне казалось, что идея обстрелять меня снежками пришла в голову именно Роси. Он хоть и был тише и спокойнее сестры, но инициатива всегда исходила от него.

– Да ничего, – сказал я. – Просто я не привык. У нас никогда не было снега.

– Скучно без зимы! – выпалила Розы. Она и секунды не могла устоять на месте – то размахивала руками в ярких оранжевых варежках, то прятала их в карманы куртки, то поправляла сбившийся на затылок берет. Зима в этом году была теплая, так мне все говорили. Совсем немножко холоднее нуля.

Но я все равно мерз.

– Пошли с нами? – предложил Роси. – Мы хотим перекинуться в картишки, нам четвертый нужен. Еще придет Иван.

– Нет. Я не могу.

– А что так? – Розы схватила меня за руку, заглянула в глаза. – Ты сердисься, да? Извини, я не стану больше в тебя кидаться.

– Мне на работу через два часа, – объяснил я. – Сегодня я в ночную смену.

Роси поморщился:

– Ну да, ты же человек занятой, взрослый...

– Я не взрослый, – сказал я. – Но у меня гражданские права, и мне нужно зарабатывать себе на жизнь.

Странное дело, ведь мы и впрямь ровесники. Но когда я смотрел на Розы и Роси, ну и на остальных из класса, мне казалось, что они – глупые дети, а я – взрослый и мудрый. Может быть, из-за того, что я побывал на Новом Кувейте? Или оттого, что вырос на Карьере? Ведь им никогда не приходилось думать о социальных службах, пае за жизнеобеспечение, не случалось следить за шпионами с Инея и помогать настоящему авалонскому рыцарю. Их родители были живы, заботились о них, любили, помогали, если надо. И работать никому из них не требовалось, разве что ради карманных денег постоять в каникулы за стойкой в «Мак-Робинсе»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.